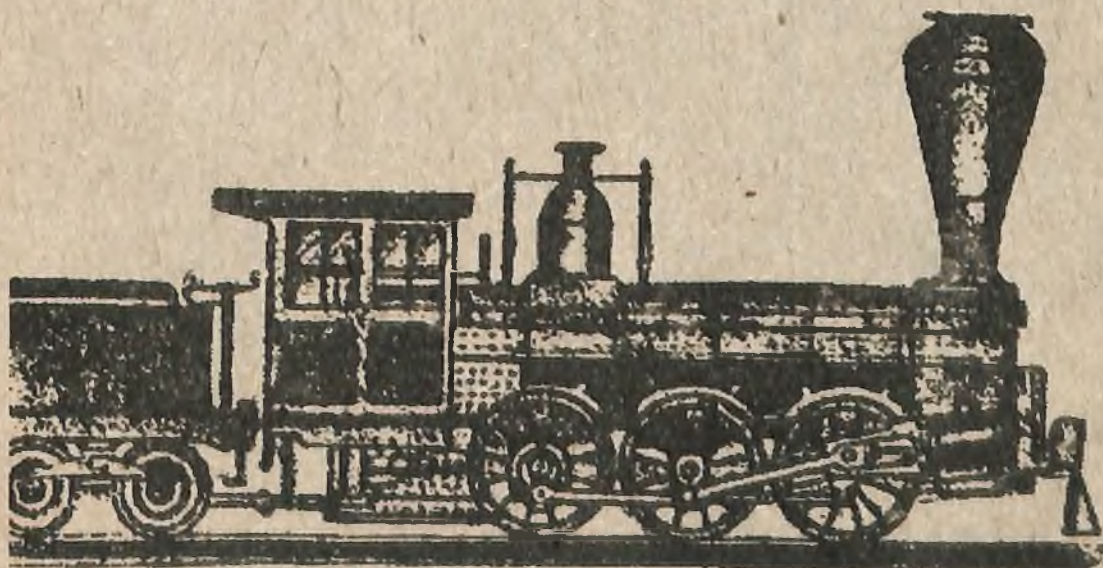

Сибирский ТРАКТ

- Внуки Крузенштерна на Ямале
- Тамбей - поселок у моря
- Гольшманово и Владимир Клавдиевич Арсеньев
- "Случаи" из жизни Тобольска
- Детская площадка: рассказы о времени
- Казачьи символы и знаки

паровоз серии Г русских железных дорог (1863 г.)

0881

Сибирский тракт

Ежемесячное историко-краеведческое издание

Индекс 54318

Первый номер вышел в сентябре 1992 года

Соучредители газеты:

Еженедельник "Согласие".

Тюменский Казачий Союз

Редакционная коллегия:

А. Васильев - редактор

В. Копылов
В. Девятков
А. Омельчук
А. Петрушин

Рисунки Дмитрия Жилина

В номере

Г. Зайцев
В краю "непризнанной земли"
- 2 -

Л. Седов
Тамбей. Репортаж пятый
- 5 -

Н. Патрикеев
Библиотека краеведения
- 8 -

В. Копылов
Тюменский край и Арсеньев
- 9 -

В. Софронов
Исторические новеллы
- 10 -

А. Васильев
В некотором царстве
- 16 -

В. Коптелов
Сабантуй
- 18 -

А. Васильев
Командарм Чернавин
- 19 -

Местный Иерей

Торжество освящения храма в инородческом с. Полноватском Березовского уезда
- 22 -

Н. Мурашова
Еще о тракте
- 24 -

Сказки русских цыган
- 25 -

Т. Григорьева
Известное и новое о реформе русской орфографии
- 27 -

Казачьи символы и знаки
- 29 -

Топонимика морей Арктики
- 31 -

§ К 50-летию Тюменской области

Геннадий Зайцев

В краю «непризнанной земли»

В разное время и по разному поводу обращались русские люди к северным землям Западной Сибири. Через Ямал пролегал путь новгородцев к богатствам златокопящей Мангазеи, здесь искали водную дорогу к восточным морям землепроходцы петровских времен, сюда стремились добытчики пушнины, рыбопромышленники прошлого века. Считалось, что эти места непригодны для жизни и неперспективны. Но здесь жил целый народ, удивительно тонко приспособленный к экстремальным условиям Заполярья. Первые серьезные исследования полуострова Ямал произведены в первой половине XVIII в. В 1735-1736 годах участники Великой Северной экспедиции лейтенанты Малыгин и Скуратов на двух ботах обогнули полуостров и вошли в Обскую губу. Одновременно с поиском Северного морского пути была произведена съемка восточных и северных берегов полуострова геодезистом Селифонтовым. Очертания Ямала впервые перечеркнули белое пятно на карте мира. Но лишь в следующем столетии штурман Иванов обследовал и нанес на карту побережье полуострова на всем его протяжении. Эта экспедиция длилась с 1827 по 1828 год. В 1860-1862 гг. под руководством капитана 1-го ранга Павла Ивановича Крузенштерна на принадлежащей ему шхуне «Ермак» состоялась экспедиция в Карское море и к берегам Новой Земли. Цель экспедиции — гидрографическое изучение Карского моря, проведение метеорологических наблюдений и проверка возможности достижения устья Енисея морским путем. В состав экспедиции вошли мичман а затем лейтенант П.П. Крузенштерн, юнкер флота А.П. Крузенштерн — сыновья Павла Ивановича и матросы — 24 человека. Эти люди связали свои имена с историей нашего края. Экспедиция стала героической и в то же время трагической: шхуна была затерта во льдах, команда

высадилась на берег острова Литке у залива Мутного. Спас команду Сейг Сэродэта — богатый оленевод. Правнук Сейга — Танго Сэродэта — пенсионер, имеющий 4 взрослых детей, хранил уникальные документы, в том числе и документ, подтверждающий, что мичману П.П. Крузенштерну присвоено звание «лейтенант флота Его Императорского Величества Александра II». Второй — является свидетельством, выданным Сейгу Сэродэта, что он награжден серебряной медалью «За усердие» для ношения в петлице на ленте ордена Святого Станислава. Ему же был выдан кафтан из кабинета императора.

В роду С. Сэродэта хранится предание о том, как произошло спасение команды «Ермак». Чужие люди появились с ночной (западной) стороны. Их было человек сорок. Старший спросил, знают ли они, где Обдорск и смогут ли они их туда проводить. Сейг ответил, что знают и по крепкому льду проводят. Эти люди жили у них около 3-4 месяцев, они скормили им 250 оленей. В Обдорск их отвел брат Сейга — молодой Паданана Сэродэта. Он отсутствовал 3 года. Все думали, что он умер. Но через три года его привезли прямо к чуму. Паданана рассказал, что был в самом большом городе русских (по-видимому, Тобольске). Он привез Сейгу медаль и кафтан, и документ, удостоверяющий, что Сейг стал главным среди ненцев Байдарацкой тундры. Ненцы говорили, что он теперь тундровый царь. Сам Паданана Сэродэта выучил русский язык, мог даже писать.

Позднее, лет через 13, Сейгу были переданы три портрета: Александра II, его жены Марии Александровны и ее же портрет в молодости. Почему так поздно были переданы эти портреты, мы не знаем. Ясно лишь, что этих людей помнили. Помнили их доброе дело и решили еще раз подтвердить хорошее отношение к ним. На портретах стоит дата: 1874 год. Вот такая малоизвестная страница истории Ямала.

Почти 60 лет прошло, прежде чем очередная экспедиция по решению Совета Русского географического общества отправилась на полуостров Ямал. В ее состав входили профессор Московского университета Б.М. Житков, топограф В.Н. Введенский, естествоиспытатель, ботаник и зоолог Д.П. Филатов, переводчик

обдорский крестьянин Г.П. Кудрин, миссионер стана в поселке Хэ отец Мартимиан Мартимьянов. Двое последних всю жизнь прожили на Крайнем Севере и оказали существенное влияние на благополучный исход экспедиции. Значительную помощь в подготовке экспедиции оказал начальник Обдорской миссии игумен Иринарх, в миру Иван Семесович Шимановский, человек не по долгу, а сердцем влюбленный в суровый край. С его помощью к приезду экспедиции в Обдорске было подготовлено около 450 ездовых оленей, наняты проводники из числа местных жителей: Николай Худи, Иван Худи, Нямба Яптик, Хадово Нокдэта, Николай Пугорчин. О целях экспедиции были оповещены местные жители на Обдорской Ярмарке.

Исследователям предстояло провести маршрутную съемку местности, найти и запечатлеть на карте системы озер, входивших в древний торговый путь через полуостров в Мангазее. И эта задача была выполнена в ходе первого этапа работы. Землепроходцы исследовали восточный Ямал до системы озер Ней-то, Ямбу-то, в результате чего древний путь был найден, увы, чтобы потом быть забытым навсегда. Дальше экспедиция разделилась: Житков в сопровождении Кудрина отправился северным, наиболее сложным маршрутом от озера Яро-то до острова Белого и обратно по берегу Карского моря к озеру Ней-то. Введенский пошел к Обской губе, где провел съемку озер Ней-то и Ямбу-то, Филатову осталась забота о караване и с наступлением весны — зоологическая работа.

Экспедиция собрала интересные материалы. Помимо определения торгового пути, были составлены географический и этнографический очерки полуострова, описаны его климатические условия, собраны коллекции животного и растительного мира. Местные жители повсюду содействовали и помогали ученым. Была собрана большая коллекция «сядаев» — идолов, аборигены охотно меняли их на предметы быта. Установившиеся добрые отношения подтверждаются легендой, в которой говорится, что самоедские «сядаи» помогли русским воинам в I Мировой войне, обратив вспять войска неприятеля. Вывод участников экспедиции был категоричен: использование края в

промышленном отношении бесперспективно и нецелесообразно. Профессор Житков констатировал: коренные жители должны развиваться самостоятельно, промышленность и цивилизация не должны вторгаться в их жизнь.

Уже после установления Советской власти на полуостров было послано несколько научно-хозяйственных экспедиций. В 1928 году прибыла экспедиция в составе 3 человек: студента-четверкурсника Ленинградского университета Валерия Чернецова, зоолога Константина Ратнера и руководителя экспедиции Наталии Александровны Котовщиковой. В Ленинград Чернецов и Ратнер вернулись вдвоем. С собой они привезли экспонаты, произведшие настоящую сенсацию в археологическом мире. На 72-ой арктической параллели были раскопаны стоянки древнейшего северного человека, культура которого отличалась от культуры ненцев. Третья участница экспедиции — Наталия Котовщикова — погибла и была похоронена на севере Ямала. Экспедицию субсидировали центральное конвекционное пушнозаготовительное бюро, Уралгосторг и научно-исследовательская секция Комитета Севера. Перед ней стояли задачи: изучить современное состояние оленеводства, пути кооперативного строительства, возможность развития зверобойного промысла. Предстояло ознакомиться с организацией торговли, провести бюджетное описание туземных хозяйств и т.п. Экономическая программа экспедиции была согласована с задачами полевого отряда Уральского областного земельного управления под руководством В.П. Евладова, который выехал на Ямал из Свердловска еще весной 1928 г. Консультировали студентов-практикантов известные специалисты — директор Уральского областного музея Б.В. Дидковский, секретарь научно-исследовательской секции Комитета Севера С.А. Батурлин и автор книги «Полуостров Ямал» профессор Б.М. Житков. В то время экспедиции проходили по схеме — лето, зима, лето. Котовщикова, Чернецов и Ратнер собирались пробить на севере Ямала 13 месяцев. Это позволяло исследовать полный годовой хозяйственный цикл.

Из Архангельска на восточный берег Ямала к мысу Дровяному экспедицию доставили знаменитым ледоколом «Малыгин». Всю зиму велась целеустремленная работа. Участники экспедиции наметили маршруты и каждый работал самостоятельно. За зиму было исследовано 180 ненецких хозяйств и обследованы 983 человека. К весне экспедиция перешла на западное побережье Ямала. Чернецов начал обследовать Тивтей-саля, где были сделаны сенсационные археологические открытия. Н. Котовщикова вышла к мысу Хахэн-саля, где судно «Прибой» оставило груз. Она нашла груз, установила палатку и отправила оленеводов Тереку и Тэл Вэнга с запиской к К. Ратнеру: сообщала об изменении маршрута и о том, что ей нездоровится. Ратнер не смог сразу приехать, а когда приехал, то увидел Котовщикову мертвой, шагах в 30 от палатки. «Видно смерть застала ее внезапно» — писал он. В палатке обнаружались дневники, письмо, в котором она прощалась с родными и близкими. Эта экспедиция дала самый большой толчок в развитии археологической науки на Ямале. Интересная хозяйственная экспедиция во главе с В.П. Евладовым была проведена в 1928-1929 годах. В нее входили охотовед и лесовод Н.Н. Синицын, организатор торговли и заготовки пушнины И.В. Каргопольцев. Программа экспедиции в области оленеводства ставила вопросы учета животных, условия их содержания и выхода продукции. В исследовании охотничьего промысла — общее флорофаунистическое описание, способы и экономика охоты, звероводства. В программе морского зверобойного промысла изучались биология морских промысловых зверей, способы охоты, сбыт продукции. В Обдорске отряд пополнился новыми членами: переводчиком М. Ядопчевым, охотником-практикантом В. Терентьевым, старшим пастухом Ф. Филипповым, пастухами А. Хатанзеевым, И. Возиловым и С. Тибица. Вместе с основным отрядом шел ветеринарно-бактериологический, возглавляемый В. Колмаковым. Кроме решения указанных выше задач, исследователи собрали большой материал по краснедению,

зоологии и этнографии. Интересно, что сам В.П. Евладов был противником насильственной коллективизации. Экспедиция провела первые топографические съемки ряда внутренних районов Ямала. Евладов и Синицын — первые путешественники, которые достигли острова Белый в летнее

время. В.П. Евладов первым упомянул об археологических памятниках «сихиртя» у мыса Тивтейсалья. Он первым установил этнографическое разделение ненецких родов на две взаимобрачные половины — Ванойта и Нокдэта.

СПИСОК

воинов-ямальцев, призванных из Ямальского района и погибших в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

1	Аксенов Иван Петрович	1906 — 29.06.1944 г.
2	Алексеев Николай Андреевич	1901 — 27.09.1943 г.
3	Александров Григорий Александрович	1922 — 23.03.1944 г.
4	Аксарин Николай Иванович	1911 — 8.05.1943 г.
5	Альганов Осип Николаевич	1910 — 10.11.1944 г.
6	Андрулис Виталий Афанасьевич	1916 — 4.04.1942 г.
7	Абдулин Мухамет Хабисович	1908 — 8.12.1942 г.
8	Березин Степан Петрович	1900 — 15.03.1943 г.
9	Воронцов Георгий Федорович.	1907 — 17.03.1945 г.
10	Доинин Илья Кузьмич	1913 — 2.10.1943 г.
11	Евдокимов Григорий Павлович	1917 — 29.06.1944 г.
12	Коренгин Роман Герасимович	1898 — 2.03.1945 г.
13	Лагунов Семен Федорович	1902 — 19.01.1943 г.
14	Катаев Григорий Иванович	1925 — 12.12.1944 г.
15	Наков Семен Кураевич	1925 — 4.06.1945 г.
16	Окотэтто Васако Ваттович	1907 — 31.03.1945 г.
17	Погорелов Анатолий Антонович	1925 — 16.06.1944 г.
18	Редькин Кирилл Ферапонтович	1898 — 13.01.1943 г.
19	Сафиулин Алексей Иванович	1916 — 23.06.1944 г.
20	Стрижок Иван Фатеевич	1921 — 27.09.1943 г.
21	Саунин Алексей Александрович	1925 — 4.12.1944 г.
22	Суликин Николай Григорьевич	1906 — 23.02.1943 г.
23	Тэйми Олла Андреевич	1925 — 21.01.1945 г.
24	Тадибе Иван	1902 — 23.12.1943 г.
25	Худи Николай	1925 — 16.06.1944 г.
26	Черкашин Василий Романович	1918 — 21.11.1944 г.
27	Чувардин Иван Семенович	1925 — 9.08.1945 г.
28	Шихов Мотрак	1916 — 2.10.1943 г.
29	Шестаков Григорий Спиридонович	1910 — 15.03.1943 г.
30	Федоров Алексей Федорович	1897 — 12.1944 г.

Лев Седов

ТАМБЕЙ

Репортаж пятый

Я всю ночь не сплю,
а в окна мои ломится
ветер северный,
умеренный
до сильного...

Слова из песни

Закат. Пурпур редет на глазах и уступает место розовому цвету. И тот тускнеет. На восточном небосклоне — синева. А запад все еще пылает. Его подсвечивает солнце, уходящее за горизонт. Тихо. Перед тем, как небу потухнуть, по воде пронесся легкий ветерок...
— Получили прогноз?
— Пока нет. Но я здешнюю погодуку нутром чую. Надо сниматься, уходить.

1 -

От Се-Яхи до небольшой речушки Сабета-Яха, что в шестидесяти километрах от Тамбея, прошли, по выражению капитана, «чика в чичу». На траверсе визуального знака «Тамбей» стали на якорь в ожидании «Беломорского-11»,

который по окончании выгрузки у причала геологов передаст нам понтон. Его наш теплоход обязан отбуксировать на Дровяной. Ветер крепчал. Морозов, отлично знавший норы Обской губы, приказал палубной команде «закрепиться по-штормовому». Опасения капитана подтвердил вчерашний прогноз с Каменного. Мы выбрали якорь, отошли на глубину, легли в дрейф. В старину Обскую губу называли морем, как Байкал. Она безбрежна, как море, и коварна, как ни одно из морей. Опытные судоводители не знают другого водоема, который так был бы послушен воле ветров. Северный ветер делает губу полноводной, а южный — буквально за несколько часов выветривает ее так, что зазевавшийся транспорт оказывается... на суше. По губе не пойдешь, где вздумаешь. Фарватер ее узок и извилист. Штормовая волна здесь не накатистая, как в море, а из-за

мелководья — «дурашливая». Всякий, кто попадет в нее, досыта хватит «обской болтанки»... Не зря Папанин сказал об Обской губе, что на ней «хуже, чем в море». Лишь на четвертые сутки улегся свирепый «южак». Дождавшись прилива, мы получили, наконец, злополучный пантон и взяли курс на Тамбей.

2 -

Поселок на песчаном яру своим рождением обязан успехам советского кооперативного строительства на Ямальском Севере. Едва смолкли последние залпы гражданской войны, в Архангельске приступили к организации Первой Карской товарообменной экспедиции. Во главе ее стоял прославленный ледовый капитан Михаил Васильевич Николаев, участник арктических рейсов легендарного русского ледокола «Ермак». «Наличный состав» — восемнадцать кораблей. Цель

экспедиции — организация кооперативной торговли на Севере. В период с 1921-го по 1925-й годы успешно проведено четыре такие экспедиции. Наряду с обменом товара посланцы советской власти создавали в портовых городах и прибрежных поселках кооперативные лавки, которые быстро обрели популярность у местного населения и получили название «мурлавки», что, как считает большинство местных старожилов, означает «мудрая лавка», где вместе с продовольствием и промышленными товарами можно было купить книги и послушать мудрое слово агитатора.

«Мурлавки» долгое время были опорными пунктами советской власти в тундре. Первая такая лавка на Ямале была открыта в Яр-Сале. По словам ямальского старожила, управляющего Тамбейским отделением совхоза «Ямальский» Александра Степановича Путинцева, мурлавка на тамбейском мысу открыта осенью 1927 года. До этого здесь находилось охотничье становье: домик, амбар для продовольствия и пушнины и пороховой погребок, полусгнившие остатки которого сохранились до сих пор. Первым заведующим мурлавкой, вскоре преобразованной в факторию, был человек, прозванный ненцами за сажанный рост и широкую натуру «арко Иван» — Большой Иван. В 1932 году по соседству с факторией разместился домик полярной станции, открытый особым межкраевым Карским гидрометкомитетом в связи с проведением II Международного полярного года. Впоследствии поселок несколько вырос за счет переселенцев с юга страны. С 1944 по 1947 год в Тамбее находился районный центр. В настоящее время здесь размещается контора Тамбейского отделения

совхоза «Ямальский», фактория и полярная станция.

3 -

Знакомство с любым северным поселком начинайте с «полярки», — советовал мне как-то Юрий Александрович Колотилов, полярник с солидным стажем и завидной судьбой. Он не раз зимовал на островах Земли Франца-Иосифа, вдоль и поперек исколесил Ямал, побывал на всех его «точках». Полярные станции (в сбиходе местных жителей — «полярки» или

просто «точки») — настоящий кладезь местной информации. Служащие на них, как правило, не подвержены «северной текучке», не испытывают особой охоты к «перемене мест», а живут на одном месте годами и годами копят сведения, среди которых не только метеоданные. Совет бывалого полярника привел меня к добротному деревянному дому с небольшими хозяйственными постройками и ровными поленищами заготовленных на зиму дров. От дома до обнесенной забором полевой метеостанции и ведет бежевый от времени, снегов и дождей настил из неструганных сосновых плах. Вокруг — та редкостная в тундре тишина, что является за буйными ветрами и

несет с собой недолгий праздник покоя, чистого неба и гулких голосов всегда возбужденных халесев...

Начальника станции на месте не оказалось.

— Ушел встречать самолет, — пояснила радист-метеоролог Галина Светланова и пригласила в просторный салон, который служит одновременно и столовой, и читальным залом. В углу — стеллаж с книгами, посередине — круглый семейный стол под клеенчатой скатертью в мелких темных квадратах. Вокруг него — как лепестки подсолнуха — светлые спинки стульев. Сравнение

дополнял сноп желтого света из окон.

Словоохотливая Галина тут же поведала мне все поселковые новости: рыбокооповский плот с дровами разбило штормом и половину лесин унесло в губу; весной в поселок заходил белый медведь-шатун и «во-о-от нагнал страху!..»; рыбу ловят здесь весьма оригинальным образом — сети ставят в прилив и, дождавшись отлива, на сухом берегу вынимают из них омулей; Альфа, дворовая собака, захворала, и ее верный друг Сатурн «ходит сам не свой». Среди обитателей станции из числа «братьев меньших» есть и другие «небесные светила». Живет, например, обшарпанная собачонка неопределенной породы по кличке Марс. «Нам принесли его

крохотным, но очень храбрым и горластым щенком. Вот и назвали Марсом. А он не оправдал своего имени: растет медленно, ест плохо и что самое обидное — начисто порастерял «характер». Как прищипнешь, в угол забьется и только глазюки тарашит. Большие, карие и до того жалобные — немоготу... И проучить бы его — еще тот проказник! — да руки опускаются...».

В небольшой холодной комнатке, примыкающей к кухне, обитают два гуся. Точнее — гусь Юпитер и гусыня Венера. «От стаи отбились. Не они одни. Были и другие. Но те поправились чуть-чуть и — деру! А тут такая вот

история: Венера все хворает, а Юпитер от нее — ни шагу...».

На диване, жмурясь от яркого солнца, лежала кошка Комета. «Главный синоптик станции, — сказала о ней Галина, — живой барометр. Как измениться погоде — вот и зачесется, заскребется, ушами застрижет, как лошадка. Быть холоду — уткнет морду в лапки и не отойдет от печи, а перед теплом — уляжется посреди комнаты, вытянется и спит...». «Может, историей интересуешься?», — спросила. Порылась на полке среди книг: «Вот нашла».

Протянула мне ветхий журнал станции. «Здесь все по порядку. У меня — сеанс. Пойду.

4 -

«Начат 15.IX.32 г.» — читаю на обложке. Больше сорока лет... На первой странице безвестный автор, перечислив координаты новой станции, писал: «...в квадрате (таком-то) — ветхие строения фактории Тамбей...». Дальше — подробный перечень всего стационарного имущества и следом — ежедневные записи — что-то вроде личного дневника полярника. По словам старейшего сотрудника Сеяхинской полярной станции Валентина Константиновича Юцевича, в первую зимовку

Тамбейскую станцию обслуживал всего один человек. О чем же он писал?

«15.X. В метеокомнате сделали плиту. Когда печь топится, то температура резко повышется и так же быстро падает при прекращении топки».

«15.XI. Сегодня в районе станции собаки поймали двух песцов, третий сбежал».

«15.XII. Прилетел почтовый самолет из Диксона, но не сел, а только сбросил почту».

«15.I.33. При ясном небе шел снег, вернее отдельные снежинки. Звезды заполняли весь небосвод.

Наблюдалось довольно яркое

как документы большого человеческого мужества, крепкой силы воли, преданности своему ремеслу.

...Я смотрю на сереющий в сумерках настил и вижу одинокую фигуру полярника. О чем он думает, отмеряя свои полтора шага туда и столько же обратно? Вот сейчас скрипнет дверь, повесит в сенях чадающий фонарь и, не раздеваясь, присядет к столу, положит перед собой журнал...

5 -

Дверь в самом деле скрипнула, но вместо согбенной фигуры полярника через порог шагнули двое парней — один вслед другому.

сияние...».

И так изо дня в день (я воспроизвел записи от 15-го числа четырех кряду взятых месяцев) вместе с подробными метеоданными человек заносил в толстый журнал свои личные наблюдения...

Мне рассказывали об одном охотнике, который три года прожил один на один с тундрой, промышляя песка на острове Белом. Все это время он вел рабочий дневник, послуживший впоследствии к пересмотру всей системы промысла «в условиях максимального отдаления от охотбазы...» (из приказа по облохотуправлению).

Журнал полярника и дневник охотника, кроме их чисто практической ценности, интересны

Молодые, веселые, румяные от ходьбы и вечерней прохлады, они наполнили переднюю свежестью моря и тундры. На их шумное появление повара отреагировала демонстративной возней на кухне.

— Понятно, — вполголоса протянул один из парней и спрятал улыбку в модной складистой бороде, — опоздали на ужин...

— Та мы ж лес з воды тягалы, задарма ж пропадэ, — оправдывался другой. — А шо там! Дывыся, люди добры, шо Леша з порта принис!

Бородач расстегнул полы куртки — из-за пазухи показался... подсолнух.

— Оп-ля! — Спелый венц в оторочке из желтых листьев с коротким толстым корневищем враз оказался над головой. Бородач

пустился в пляс, помахивая растением как платочком.
— Ох, хай тобі грэць! (Ох, помру!)
— притворно вопил второй, покатываясь со смеха. Он был, конечно, украинец и, может, видел сейчас родной хутор, плетень, подсолнухи, девчат и парубков, которые такое вытворяли, что невозможно вспомнить без смеха.
— Уймьтесь вы, наконец! — крикнула Галина. — Расскажите толком, откуда он у вас.
— Тэзка, Леха Володин, командир нашей Аннушки, привез. Он только что из отпуска, с Украины... Но и это — не все. Тут кое-кому поплясать придется, — веселый бородач ловко выхватил из кармана письмо и поднял его вверх на вытянутой руке.
Вот тут попробуй усидеть на кухне. Второй за этот вечер пляски, правда, не получилось — выкупом послужил еще раз подогретый обед. Парни сбросили свои куртки и поспешили к столу. Галина познакомила нас. Один (который украинец) оказался старшим радиотехником Геннадием Коваленко, другой — начальником станции Леонидом Алексеевым. Я слышал о нем от Колотилова. Прежде Леонид служил старшим радиотехником полярной станции на Тядиба-Яха. Я поздравил его с новым назначением и напомнил про сорокалетний юбилей вверенной ему станции.
— Так оно, — отозвался Алексеев и в шутку добавил, — вот только средств на юбилейный обед нам не выделили. В Амдерме считают, что настоящая станция в Тамбее открыта в 1943 году, а до этого здесь была всего лишь метеоточка. Леонид познакомил меня с работой станции.
— Прежде, — сказал он, — в те самые времена, о которых вы прочли в журнале, почти все элементы погоды определяли визуально. Теперь за все в ответе «колдун» — вот этот ящик, который еще называют дистанционной метеостанцией. Ну и, конечно, наш брат — полярник. Данные обрабатываем и передаем в Амдерминский метеоцентр. Оттуда получаем суточный и перспективный прогноз.
— Долгая песня...
— Что верно, то верно. Рабочий прогноз для речников мы могли бы давать, минуя Амдерму. Это на много бы сократило простой судов на приколе. Нынче, к примеру, акватория губы очистилась ото льда 13 июля, а первый теплоход на

траверсе Тамбея появился лишь 29-го. Пока центр собрал все сводки, «дозвонился» до Омска... Разговорились о современной науке «угадывания» погоды и о некоторых огрехах прогнозирования, ставших «притчей во языцех». Оказывается, точность прогноза, по мнению академика Е.К. Федорова, зависит от информации с мест. Чем больше метеостанций в стране, тем больше метеоданных стекается в Главное управление гидрометслужбы, тем, следовательно, выше «процент верности» прогноза. Синоптики подсчитали, что при «плотности» одной станции на шестьдесят квадратных километров прогноз погоды достигнет девяноста пяти процентов точности. А пока у нас в стране нет такой плотности...
— А в ответе понятно кто — «стрелочники», — продолжал Алексеев. — Нынешней весной на Ямале свирепствовал мощный антициклон. Вечером 23 апреля мы обнаружили «месторождение» необычно плотных слоев, которые могли разразиться вьюгой, предупредили хозяйственников по всему побережью. Ранним утром 24-го грянула вьюга в направлении Мыс Каменный — мыс Парусный и дальше на Тазовский полуостров. Скорость ветра порывами достигала 40 и более метров в секунду... Вьюга бушевала почти сутки. Некоторые хозяйственники пропустили тогда мимо ушей наше предупреждение, за что жестоко заплатились. Но вот что самое интересное: когда стали разбираться в причинах бедствия и подсчитывать убытки, то, верите, районное партийное руководство стало на сторону тех самых незадачливых хозяйственников — знаем, мол, мы цену вашим прогнозам...
...Глубокой ночью оставлял я гостеприимный домик полярников и, вернувшись уже на судно, заметил два огонька в ночи. Один — с маяка «Тамбей», другой — с Тамбейской полярной станции. Днем и ночью крутится маленький «винтик» громадного «механизма погоды».

Л. Седов.

На снимках:

Тамбей, поселок у моря; тамбейские полярники; такой становится губа при южном ветре.

Фото автора.

Библиотека краеведения

Неperiodическая библиотечка журнала «Югра», начатая в этом году, пополнилась третьей книжкой, еще одна в печати, пятая готовится. И можно уже говорить о ценной инициативе редакции, которая добровольно и бескорыстно взяла на себя хлопотную, но благородную просветительскую миссию возвращения широкому читателю, а особенно любителям истории и краеведам, ценнейших работ исследователей-патриотов Обско-Иртышского Севера, ныне полузабытых и малодоступных, а также познакомить с некоторыми ранее не издававшимися произведениями. Первая ласточка серии — К.Д. Носилов «У вогулов». Очерки и наброски. Книга известного сибирского краеведа и путешественника была выпущена в Москве в 1904 году на основе материалов, собранных в бассейнах рек Конда и Малая Сосьва. Перепечатано два из девяти очерков — «Ясак» и «Серебряная баба». Сами названия говорят о том, что речь идет о впечатлениях, связанных со сбором ясака и о поисках серебряного слитка-копии с известной «Золотой бабы». Их невозможно комментировать, нужно просто прочитать. Книжке предпослан небольшой биографический очерк Л. Осинцева об авторе, научные и литературные произведения которого печатались в течение добрых трех десятков лет, но, к сожалению, так и не собраны воедино. А ведь Константин Дмитриевич Носилов (1858-1923) долго изучал Обской Север. Как мне известно, последние поездки путешественника в наши края относятся к 1914 и 1916 годам и связаны с изысканиями дороги через Ямал по древнему мангазейскому пути (см. журнал «Омская область» №7, 1940, с. 58-59). Читателям «Югры» К.Д. Носилов знаком по публикации во втором номере 1992 г. очерка «Вогульская школа».

Тюменский край и Арсеньев

В Санкт-Петербурге, в архиве Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР мне удалось ознакомиться с письмом известного путешественника, исследователя Дальневосточного края, автора знаменитых книг «Дерсу Узала», «В делях Уссурийского края», русского Фенимора Купера Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872-1930). Письмо как письмо, если бы не одна интересная деталь: на письме стоит исходящий почтовый штемпель станции Гольшманово с датой 20 октября 1925 года.

Что предшествовало этому письму, и какова связь ученого с Гольшманово?

Уроженец Петербурга В.К. Арсеньев провел в столице лишь молодые годы. С 1900 года он непрерывно до конца своих дней в течение тридцати лет отдает силы, умение и опыт путешественника изучению Уссурийского края.

Сначала — участие в многочисленных экспедициях, а позже, когда накопился богатейший материал, следует его обработка. Ученый пишет статьи и книги, заведует местными музеями, читает профессорские лекции во Владивостокском пединституте. Общественная деятельность отнимала много времени, порою потраченного на решение мелких хозяйственных дел. Это удручало В.К. Арсеньева, и он стал искать себе другую работу, такую, характер которой совпадал бы с его научными наклонностями. Хотелось также закончить главную книгу жизни «Страна Удэге».

Наилучшим вариантом он считал возвращение в родной Ленинград, где, возможно, в тиши библиотек и архивов с их богатейшими фондами он собирался поработать с пользой и всласть, не опасаясь отключений на другие второстепенные дела. В августе 1925 года В.К. Арсеньев получает приглашение на торжества по случаю 200-летия Академии Наук. Они проходили как в Москве, так и в Ленинграде. Дальняя дорога от Хабаровска до Ленинграда и торжества заняли в общей сложности более двух месяцев. Решился и главный вопрос: Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде принял его заявление о переходе в научные сотрудники. Этим, как

считал В.К. Арсеньев, он обрел возможность закончить без помех свои главные научные труды. В ноябре предполагался переезд ученого с семьей на родину. Решение о зачислении в Ленинградский музей антропологии и этнографии имени Петра Великого на должность научного сотрудника первого разряда было принято тогда же в октябре, но после отъезда В.К. Арсеньева домой на Дальний Восток. А пока, мучаясь сомнениями и неизвестностью, Владимир Клавдиевич едет в вагоне, отдыхает от столичной суеты, бесконечных заседаний и выступлений. И, конечно, как всю жизнь, работает, пишет письма. «В Москве я устал от беготни и суеты, — пишет он в одном из них. — Мне захотелось покоя так, как утомленный ищет сна. Я лег на свое место в вагоне и, убаюкиваемый качанием, сладко уснул... Большие города и столица меня не прельщают, чем меньше людей, тем лучше, а где их совсем нет — там рай». Сомнения росли и росли, накладываясь друг на друга... Правильное ли решение он принял? Неизвестно еще, как будет складываться судьба на новом месте, оторвавшись от корней, от первичного материала. Да и возраст не тот, когда о нем не думают... Отдохнув в поезде и перевалив треть пути, В.К. Арсеньев снова садится за письмо руководителю музея, члену-корреспонденту Л.Я. Штейнбергу — известному этнографу и знатоку Дальневосточного края. В письме он перечисляет свои многочисленные должности, сетует на 16-часовой рабочий день и умоляет Штейнберга поскорее принять положительное решение о приеме на работу. Он пишет: «Только отъезд может разгрузить меня от массы дел, ничего общего не имеющих с тем делом, которое у меня на руках уже 25 лет... Если Вы, Лев Яковлевич, одобряете переход к Вам в музей, то я прошу поддержать мою кандидатуру. Если нет и посоветуете остаться в Хабаровске, я останусь и, может быть, перейду на какую-нибудь другую службу во Владивостоке. Боюсь только, что меня не выпустят дальневосточные власти, но я буду домогаться освобождения».

Библиотека краеведения

Он исследовал богатства недр, возможности судоходства на реках, торговые пути из Сибири в Европу, составляя зоологические, геологические и ботанические коллекции. Примечательно, что Константин Дмитриевич был энтузиастом северного земледелия, сеял злаки и овощи в северных широтах, а за свой оптимизм в оценках был удостоен такой отповеди в книге «Поездка на Урал летом 1892 год». (Москва, 1895 г.):

«Мы весьма далеки от того, чтобы согласиться с Носиловым будто возможно на севере Тобольской губернии земледелие. А между тем, в своем отчете о путешествии на Север в 1893 году он утверждает, что возможно земледелие даже между Березовым и Обдорском. Станный вздор!».

Писатель-ученый живо интересовался бытом, религией, фольклором, всей культурой местных народов. Немудрено, что знания, накопленные в поездках, и литературный талант, отмеченный А.П. Чеховым и другими русскими классиками, позволяли ему создавать блестящие публицистические и беллетристические произведения, не говоря уже о путевых заметках.

Вторая книжка — Н.А. Абрамов «Описание Березовского края» с небольшой биографической справкой Л. Беспаловой. Автор семь с половиной лет, начиная с 1842 года, работал смотрителем Березовского училища. О его деятельности на ниве образования свидетельствуют такие цифры — количество учеников увеличилось почти вдвое при стабильности населения, а главное, что среди них появились дети северных народов. В 1849 году там учились десять остяков (ханты) и два самоеда (манси). Н.А. Абрамов находил время для большой исследовательской работы — собирал предания старожилов, изучал документы Березовской восводской канцелярии, быт и нравы северных народностей, экономическое состояние края.

Библиотека краеведения

Как и К.Д. Носилов, он был сеятелем в полном смысле этого слова. Сеял не только разумное, доброе, вечное, но и стал пионером картофелеводства в Березово, возделывал пшеницу, овес, коноплю. Совершенно естественно в его трудах переплетаются исторические, географические и этнографические сведения. Предлагаемая библиотечной работа была напечатана в 1857 году в «Записках Императорского русского Географического Общества», в котором автор состоял членом-сотрудником. По данным самого Н.А. Абрамова Березовский округ составлял по площади две трети Тобольской губернии, охватывая громадные территории нынешних Ханты-Мансийского, Октябрьского, Советского, Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского районов и земли, простирающиеся вниз по Оби. обстоятельное изложение истории, разнообразные сведения о населении, экономике, природных условиях дают основание считать книгу своеобразной историко-краеведческой энциклопедией, интересной и сегодняшнему читателю. Я впервые познакомился с этой работой более четверти века назад, когда готовил брошюру по истории Ямало-Ненецкого округа. Срок пользования был так ограничен, что выписать смог только данные, касающиеся Обдорской волости. Может быть и хорошо, что книга была довольно редкой. Многие ценные сведения не были многократно переписаны в последующих работах. А теперь каждый музей округа, каждый старый населенный пункт, почти каждая местная газета могут использовать наблюдения Н.А. Абрамова, связанные с историей их местности.

Третья книга рассказывает также о сеятеле, пионере возделывания зерновых культур в Среднем Приобье Иване Яковлевиче Тверитине, хорошо известном читателям «Югры» по материалам Ю. Белоножки (№, №3 и 11 1992 г.). Книжка так и называется

Арсеньев еще не знал, что он уже зачислен в музей, и в письме просил не столько совета, сколько — может, в тайне от себя — подтверждения своим нарастающим сомнениям: ехать ли в Ленинград? Тем временем поезд оставил позади Тюмень, Ялуторовск, Заводоуковск, промелькнула Новая Заимка, Омутинка... Арсеньев решительно запечатывает письмо в конверт. Остановка в Голышманово. Он выходит из вагона и опускает депешу в почтовый ящик... Увы! В.К. Арсеньеву так и не удалось вырваться с дальневосточных окраин. Можно предположить, что раздумья,

охватившие его на оставшуюся часть пути, позволили сделать для себя весьма важный вывод: помехой в творческой работе служат не столько многочисленные обязанности, возложенные временем и судьбой, сколько характер человека, его глубокая заинтересованность и высочайшая гражданская ответственность за судьбу района, которому он посвятил всю свою жизнь. Плодотворная на максимуме отдачи работа возможна во всякое время, в любом месте и независимо от обстоятельств.

В. Копылов,
г. Тюмень.

Вячеслав Софронов

Исторические новеллы

Цены на хлеб и морские кошки

В Сибири, да и по всей России, цены на хлеб регламентировались государством. Тобольяки оказались не самыми законопослушными гражданами и регламенты нарушали. Но полиция не дремала. В 1735 году цены на хлеб установила Полицеймейстерская контора, согласовав их с Сибирской Губернской Канцелярией. Велено было: «Ржаной муки пуд — 5 копеек, а ржи четверть — 32 коп., выше не употреблять...». (Четверть ржи — около 9 пудов). Об этом объявили с барабанным боем на базарной площади и вывесили публичные листы с указом. Но указ указом, а выгода? Как только потянулись по осени на тобольский торг крестьянские возы с зерном, их встретили перекупщики, скупившие оптом зерно и уселись торговать сами.

Вот тут-то и взяли их тепленькими стражи порядка, посадили под караул. А схвачены были посадские люди Роман Третьяков и Василий Черепанов, крестьянин Василий Бобылев и посадкий же Иван Панов. Они продавали скупленную рожь по 36 копеек. После проведенного следствия с пристрастием вывели их на ту же базарную площадь и секли морскими кошками (плеть-семихвостка). При том велено было половину зерна передать в госпиталь, а другую — наносителю. Судя по отсутствию других подобных дел, у тоболяков более не возникало желания нарушать указы.

Надзор полиции за кабаками

Тобольская Ратуша, кроме торговых дел, ведала надзором за многочисленными городскими

кабаками. Не дозволялось торговать вином ночью, и полицейские должны были доставлять ночных пьяниц в Ратушу для наказания. 13 января 1736 года из кабака «Притыка» был доставлен в пять часов утра посадский человек Данила Бесов, а из кабака «Кремлев» посадский же Иван Гаврилов за то, что сидели там в «ношное неуказанное время». Ратуша учинила сыск и к удивлению своему установила, что Бесов заходил в Притышный кабак к брату своему двоюродному обедать, брат у него служил там целовальником. Но с бедного Бесова в полиции взяли приводных денег 13 копеек, да сержант Федор Кирилов — 5 коп., да подьячие — 7 коп., к тому же опивались вином. За счет все того же Бесова. Еще более обобрали Ивана Гаврилова, который оказался торговцем харчевых припасов. Взяли его днем, когда он зашел в кабак выпить чарку вина, продержали в кутузке до вечера, а ночью повели неволю по разным кабакам и наглостию своею опили рубли на два, а опивши из-под караула освободили. На другой день в лавку к нему заявился подьячий Федор Прокопьев и потребовал с него еще рубль за то, что он об отпуске его, Гаврилова, из-под караула имел старание. Предшественники нашей милиции умели и знали, с кого и сколько взять.

Бегство раскольницы

Тобольск во время царствования Анны Иоанновны оставался центром борьбы с расколом. Одна из партий старообрядцев, прибывшая в 1736 году, была помещена на нижнем посаде в полковом дворе. Среди раскольников находилась и некая девица Евпраксия Егорова из Екатеринбурга. Утром вошедшие во двор солдаты обнаружили ее мертвой. Делать нечего, скотлив гроб, уложили умершую в него и вынесли «в убогий дом». Там раздели покойницу и обмыли по христианскому обычаю. Но умершая раскольница исчезла из гроба. Евпраксию Егорову в мужском платье изловил на лугу некий Никифор Лебедев, удивленный тем, что девушка разгуливает в мужской одежде. Воскресшую живехонько допросили, и она призналась, что одежду ей

доставил житель Екатеринбурга Иван Асенов, следовавший за ней следом на товарном судне. Что случилось с самой раскольницей — неизвестно, но Асенова объявили в розыск, долго искали, полагая его виновным в совершении других подобных побегов мнимых умерших. Видать, налажено было у старообрядцев это дело.

Тобольское привидение

В феврале 1740 года на нижнем посаде в приходе Андреевской церкви объявилось привидение... До этого они тоболяков как-то не баловали, а потому при встрече с оным женка Афимия Ивановна испытала от него страхи и пошла в полицейскую контору. Там проявили острый интерес и кинулись ловить. Вместо привидения поймали конного казака Левку Сумкина, квартировавшего в доме солдатской жены Пелагеи Студенцовой и вышедшего во двор по малой нужде с белой простыней на голове. Левку взяли в караул. Кроме простыни, других улик найдено не было. Предлагали признаться по-хорошему, но конный казак причастность свою к привидению отрицал. В марте его выпустили и велели полицейским нести дежурство подле его двора, чтоб в нужный момент схватить с поличным. Сообщений о дальнейшем не поступало.

Ракет по-тобольски

Жил в Тобольске богатый человек Авраам Леонтьевич Сумкин. Тихо-мирно жил, зла никому не делал. И вот 12 декабря 1739 года поднял он с крыльца

Библиотека краеведения

«Священник-хлебороб И.Я. Тверитин». Треть объема занимает статья кандидата исторических наук из Новосибирска Ю.А. Белоножко «Юганский опытник». Это профессиональное исследование истории хлебопашества в Тобольской губернии носит не только познавательный характер, содержит много ранее неопубликованных фактов, но и хорошо проецируется на день сегодняшний, когда встает вопрос о возрождении в округе производства собственного зерна.

В следующем разделе «...во мне крылось давнее желание открыть опыт хлебопашества» Ю. Белоножко представляет несколько работ И.Я. Тверитина.

«Опыт разведения хлебов в Березовском крае» (1859 г.), «Статистический отчет Березовского округа за 1861 год», отчеты об опытах земледельца с 1860 по 1871 год. Уточняющие примечания к тексту на базе литературных и архивных источников составил В. Белобородов.

Скоро выйдет в свет неопубликованная ранее рукопись поэта и исследователя Крониды Всеволодовича Горновского «В Кондо-Сосьвинском заповеднике».

Это о нем писал Виталий Бианки: «Ботаник, хранитель лесов и брат всему живому... Жить без леса не может. Попав в лес: «Я не гость и не хозяин — я пришел в свою семью», — чувствует он». Известный ученый-охотовед и писатель-эколог Феликс Штильмарк предложил к изданию в этой серии дневники другого известного организатора заповедного дела в округе Александра Григорьевича Костина.

Прав был русский классик, сказав однажды «Рукописи не горят», конечно, если есть такие издатели как редакция журнала «Югра».

Н. Патрикеев,
г. Ханты-Мансийск.

своего собственного дома подметное письмо. Вскрыл и остолбенел. Письмо-то не простое, а с угрозой. Вот что писали уважаемому богатею Сумкину:

«Аврам Леонтьевич, друг наш! Триста рубликов положи у Богородской церкви, по правой стороне по паперти, в уголку, затри снегом тайно, один ночью, а не положишь и кому скажешь, то с домом и родом скоро пропадешь невзначай и нигде не уйдешь. Верно! Чти про себя!».

Почтенный Авраам Леонтьевич поскреб в затылке и решил подождать, как дело обернется. Через несколько дней объявилось новое послание, уже более грозное и число рубликов возросло до 500! Более Сумкин ждать не стал, но и в полицию не пошел, а взял частных детективов из собственных слуг и отправился к Богородицкой церкви. В кошель вместо денег набили изрядно речного песка. На всякий случай... Положили его в указанном месте. Сумкин отправился в церковь, а слуги остались неподалеку. Через короткое время подошли два человека, подняли тот кошель. Слуги кинулись на них, скрутили руки и свели в полицию. Ими оказались сумкинские соседи...

Иллюминация в Тобольске

В 1740 году праздновалось заключение мира с Портою Оттоманскою, по-нашему говоря, с Турцией.

Сообщение о мире вез гвардии капитан Рахманов. Его встречали в Фомино воскресенье конным отрядом при стечении многочисленного народа. Вестник мира с кедровой ветвью в руках от самого Знаменского монастыря, где его приветствовало черное двуховенство, до Софийского собора ехал в окружении толп народа. От губернаторского дома непрестанно палили пушки, под их горюхот состоялось торжественное богослужение.

Затем на всех площадях власти объявили под барабанный бой, что во знаменование мира устраивается недельная иллюминация. С 7 апреля велено, чтоб напротив каждого обывательского дома в десяти сажнях друг от друга установили бы жители сосны. А на соснах не менее трех фонарей со свечами. И чтоб назёму никакого при домах не было...

Для проверки исполнения указа вечером ходили по улицам солдаты Тобольского и Енисейского полков, смотрели за порядком, выявляли нерадивых хозяев.

А чтоб никто незнанием указа отвертеться не мог, собрали с каждого обывателя расписки. В казенных же домах велено было зажечь на каждом окне по три свечи и... танцевать под музыку. Весело жили в Тобольске!

Пожар у самогонщиков

К Святой Пасхе готовились задолго и особо. Кто не мог купить вина в кабаке или трактире, тот тайком ночью выгонял свое. Вино тогда «курили», а винзаводы звались «винокурнями». И вот незадолго до пасхального воскресенья неподалеку от губернаторского дома на верхнем посаде возник ночью пожар. Сгорел дом служивого прядильщика Ивана Логинова. Жена его, Ирина, призналась «под кошками», что курила вино для праздника и выдала в доказательство чертверть готового напитка. За признанием последовало наказание все теми же «кошками».

Губернатор и борода

Один из самых известных указов Петра I о поголовном бритье россиянами бород после его смерти в центральной России слегка подзабылся и никто уже не обращал внимания, кто как следит за растительностью на своем собственном лице. Зато в Сибири... 14 марта 1745 года в помещении Сибирской Губернской Канцелярии появился выборный земский староста Иван Васильевич Турин. Пришел он туда по каким-то служебным делам, но одет оказался не по форме.

«...Борода на нем не брита и кафтан верхней суконной серой и шит по-русски, а не немецкой». Староста Турин попался на глаза самому губернатору Сухареву и был тут же арестован, обложен штрафом в 50 рублей. Вызвали цирюльника и арестованного побрили в присутствии губернатора, который строго пенял нарушителю общественного порядка о недопустимости нарушения указов. Только после этого старосту отпустили. Об этом случае на обоих тобольских посадах было объявлено с барабанным боем и строго внушено обывателям об исполнении старого порядка, чтобы всякого звания

русского народа люди, кроме духовных персон и пашенных крестьян, носили платье, против чужестранных, немецкое, и бороды, и усы брили, как в тех указах изображено, неотложно. ...Самое интересное, что никто пока те петровские указы не отменял.

О вопросах веры

Многие из народностей Сибири приняли добровольно крещение, хотя иные поселки крестили, что называется, оптом, не спрашивая у них на то согласия. Интересный случай произошел в 1745 году.

Новокрещенный остяк Григорий Иванов засомневался, к какой он вере принадлежит, и, явившись в Тобольск, высказал свои сомнения одному из священников. Быстро доложили о том самому архиерею Антонию. Тот велел сомневающегося остяка направить к священнику Никольской церкви Михаилу Яковлеву. Верно, их дискуссия продолжалась чересчур долго, поскольку батюшка в качестве главного аргумента использовал «батажье», в результате чего «вышеозначенный остяк бежал неведомо куда». Внял ли он доводам батюшки...

Как детей в долг закладывали

В июне 1746 года в Полициейстерскую Контору поступила жалоба от священника из Пельма Михаила Степанова, в которой он просил «сыскать» бежавшую девку и излагал суть дела.

Оказывается, пять лет назад распон Егор Рычков заложил ему за 15 рублей двух своих дочерей: Анну четырнадцати и Федосью четырех лет. Старшую священник отправил в Тобольск к своей собственной дочери в услужение, где та и жила все эти годы. То ли Степанову деньги понадобились, то ли заложница чем не угодила, но попробовал он вернуть ее обратно отцу родному. Ан нет, девушка возвращаться не желала и ударилась в бегство. «А кто ж мне теперь долг вернет?» — спрашивает у власти расстроенный Степанов. Изловили, нет ли беглянку — о том не сообщается...

Лекарь Смерть

Жил-был в Тобольске лекарь со странной фамилией Смерть... И надо же было случиться, зашел к нему во двор соседский теленок. Соседка, жена сержантская Елена Нефедова, явилась за блудной скотинкой, но... оказывается, у лекаря были на него свои виды. Теленка он вдове не отдал, а ее саму побил тростью. Нефедова обратилась с жалобой в полицейский участок, что «Антон Смерть увел к себе ее теленка, а ее саму, ухватя палку камышевую, бил, палку изломал, у нее, Алены, на теле пятна и на голове волдыри». Лекаря вызвали в полицию. Там Антон Смерть сообщил, что «прежде сама Алена его собственного телка во двор свой свела, а он тогда ее взамен забрал, на что она и стала бранить его всячески и жену его, а он не стерпел тех бранных ее речей и оную просительницу камышевой тросточкой небольшою бил...». Дело дошло до губернатора Сухарева. Тот не стал долго разбираться в дразгах соседских, а повелел выслать лекаря Антона Смерть на родину в Венгрию. Оказалось, что Смерть прибыл оттуда, чтобы поступить на службу полковым лекарем, но вакансии не нашлось. При себе он имел «три аттестата на немецком языке из Прусской земли», но не имел «из Военной Коллегии и ни откуль пашпорту». А самое главное, что был тот лекарь вероисповеданию католического и на службу по той причине не принимался. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не митрополит Антоний. Лекаря окрестили и приставили «для пользования домовых служителей и школьных студентов» при дворе митрополита.

Ширванский полк в Тобольске

В конце 1744 года дошли до Тобольска известия, что Джунгарский правитель Гайдан-Церен решился на военные действия против Сибири и готовит свою армию в поход. В Петербурге срочно решили принять ответные меры и в Тобольск направили к местным войскам три драгунских полка, а также 1000 яицких казаков. В мае 1745 года в город прибыл генерал-майор Киндерман и с ним пехотные полки Нотебургский и Ширванский. Позднее подошли из Казанской губернии драгунские полки Вологодский и Луцкий, из

Нижегородской губернии Олонецкий драгунский полк.

Но весной пришло сообщение из пограничных районов, что Гайдан-Церен неожиданно умер и, судя по всему, военных действий против России не будет. Полки из города можно было бы увести обратно, но приказа о том из Петербурга не поступало, и расквартированные по квартирам обывательским солдаты бездельничали, пьянствовали, а зачастую и бесчинствовали. Особенно доставалось от них полицейским. А на Пасху «смертным боем» был избит сам полицеймейстер капитан Бабановский. Вот что сообщает он о том губернатору. «Сего апреля 23 числа съездил я по городу Тобольску по улицам, по должности моей, для розъезду и всяческого смотра, и во исходе шестого часа пополудни в Христорожественском приходе, у Притышного моста, где имелись караульные рогатки, а при ней обывательский караул в четыре человека в близости от команды Ширванского пехотного полку пикет».

Там к коляске Бабановского подошел солдат и, назвав того по имени-отчеству, проговорил: «Христос воскрес». Тот ответил ему: «Воистину воскрес» и поцеловал по христианскому обычаю. Но то ли поцеловал некрепко, то ли денег на водку не дал, но пошел солдат следом за полицейской коляской и «стал бранить матерно и ругать всяческими неподобными словами». Навстречу попался еще один пьяный солдат, с которым Бабановский целоваться не захотел «из-за пьяности того». На крики прибежали еще человек пятьдесят ширванцев и все в приличном подпитии. Они не только матерно кричали на начальника полиции,

но и «наивяще бранили и порицали «вором», а я до нынешнего времени от солдатства ни в каких штрафах и подозрениях не бывал», — пишет в рапорте капитан.

Тут к собравшимся подошел унтер-офицер того полка, и Бабановский обратился к нему, чтобы он унял своих подчиненных, на что был ответ: «Я-де нахожусь за болезнию в Гошпитале...», но солдатам указал, что «вы делаете нехорошо». Но на тех столь мягкое увещание не подействовало и несчастного Бабановского вытащили из коляски и кинули на землю.

«Били смертельным боем, без всякой милости, яко тирански, поленьями и шпажными эфесами, в котором бою имеющий на мне кафтан зеленого сукна вдоль по спине разодрали, а фалду прочь оторвали и в грязи вымазали во многих местах...».

При полицеймейстере были три конных казака: Степан Ярков, Степан Ушаков и Афанасий Смолянинов, которые бросились было защищать начальника, но были также биты. Караульные у рогатки принялись бить в трещетки тревогу, «только и их усилия не допущены».

Далее прилагается медицинское свидетельство, из которого явствует, что Бабановский «был бит смертно, голова просечена шпагою, в другом месте преломлена эфесом, в левом боку переломили два ребра и имеются прочие тяжкие раны».

Избиение случилось у дома цехмастера ружейного дела Прокопия Мячкова, который выбежал на улицу и «стал от того бою унимать и всячески отвращать, то солдаты меня отпустили прочь и бить перестали. И оный Мячков взял меня в свой двор запереть, едва жива без всякого чувства». Избитого начальника полиции положили «посредь двора» и пригласили священника из церкви Рождества Христова Симеона Афанасьева, который и исповедовал несчастного. Но Бабановский не умер и сообщает в своем донесении: «А тех солдат, кои в том нападении и бою были, признать не могу и более их не видел. К тому же от такого их нападения пришел я тогда в немалую робость: солдата, который со мной христосовался, усмотрел в бою, что имелось у него в руках круглое березовое полено».

А унтер-офицера куда он делся не видел».

Верно, военное начальство посмотрело на это происшествие сквозь пальцы, и никто наказан не был, потому что через два года рядом со Знаменским монастырем случилась другая потасовка. И опять же досталось Бабановскому... Случилось то на масленицу, когда полицейместер приехал в гости к тобольскому купцу Крупенникову. Ширванцы напали на него возле ворот названного купца и «гнались за мной по двору». Но полицейский оказался проворней и скрылся в доме. Домой его доставили под караулом роты казаков... И отчего русский человек не любит полицейских?

Похороны раскольников

Как уже рассказывалось, Тобольская консистория являлась местом, куда со всей Сибири и Урала доставляли раскольников для разбора их дел. В октябре 1750 года с очередной партии старообрядцев были привезены из Невьянска две девицы: Марфа и Дарья Бархатовы. В дороге они умерли. Тобольские власти были поставлены перед необходимостью захоронения умерших. В самой консистории похоронной команды не было, и она обратилась в Губернскую Канцелярию. Та в свою очередь отписала бумагу в полицию. Бабановский усмотрел в том приказе нарушение «артикула» по многим пунктам, а именно: «ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам. А раскольницы Бархатовы признаются наигорше самоубийц, а потому необходимо для выволочки трупы прислать палачей и профосов». Интересно объясняется в словаре Даля последнее слово. «Профос» с латинского переделано в «прохвост» — военный парашник, убирающий в лагере все нечистоты. Ранее это были военные и полицейские слугители и полковые палачи.

Например, держать воров за профосы значило содержать их под караулом.

Итак, Бабановский потребовал присылки палачей и профосов для похорон умерших раскольников. В Губернской Канцелярии признали его претензии обоснованными и удовлетворили их. В результате появился следующий документ. «Мертвые нечестивые трупы девок Марьи и Дарьи Бархатовых из дому Демидовского дворника Боровицкого взяты и палачами и профосами волочемы за ноги через весь город и брошены в верхнем посаде за городом, в отдалении от убогова дому, в ров, называемый Глубокий баерак, при присланном от митрополита Селиверста рассыльщике».

Да, многое повидали тоболяки и улицы нашего города. А Глубокий буерак считался «бесчестным местом», куда сбрасывали самоубийц и раскольников.

Тобольский губернатор и гулящая скотина

Однажды под ноги губернатору Сухареву кинулась чья-то «гулящая» свинья и он, губернатор, едва не сломал себе шею при падении. Тут же последовал указ,

читанный при барабанном бое. В нем сообщалось, что «ежели впредь быки, коровы или свиньи без хозяев замечены будут, то определено караульным солдатам стрелять оных и отдавать в лазарет для больных в пищу». Глядишь, и больные на поправку быстрее пошли...

Губернатор Чичерин

С губернаторством Дениса Ивановича Чичерина у нашего города связана едва ли не эпоха. Блистательному гвардейцу, попавшему в затерянный среди лесов городок, все было не по нутру и вызывало раздражение, переходящее порой в непомерную злобу.

Попавший сюда вследствие екатерининской опалы он всех тоболяков подверг опале, почитал их своими крепостными, в крайнем случае, солдатами. Себя же он видел никак не ниже главнокомандующего. Как пишут историки, «он жил и поступал с величавостью державного князька, по крутости своего нрава легко выходил за пределы власти...».

То был столичный вельможа. На охоту вслед за ним ехало много чиновного люда с дамами, поварами, слугами, музыкантами. Особенно интересно проходило празднование масленицы в Тобольске. Уже с раннего утра у губернаторского дома скапливались сани всех знатных тоболяков, устроенные в виде кораблей, лентянные коврами, фонарями, лентами. Их насчитывалось около сотни.

Сам Денис Иванович выходил с дамами и мальчиками-пажами, окруженный гайдуками, офицерами, адъютантами. Он рассаживался со всей свитой на огромных санях, в центре которых стояло золоченое кресло в виде трона, вокруг стояли дамы в собольих шубах, с пышными прическами, блистая восточными драгоценностями, и весь поезд начинал движение.

Сперва подъезжали к дому первых городских чиновников. На крыльце их уже ждали разряженные хозяева, играла музыка, один из гостей соскакивал с саней и, пританцовывая, взбегал на крыльцо. Взяв хозяйку под руку, входил в дом, проходил с ней по всем комнатам и выходил обратно, забирая и хозяина с собой. Они усаживались в свои сани, и процессия двигалась дальше. Ехали по центральным улицам, потом устремлялись на Иртыш, где проводились бега, награждение победителей. К вечеру зажигались огни в домах, взлетали фейерверки, шутихи, стреляли пушки от губернаторского дома.

Жизнь сибирского губернатора весьма напоминала быт фаворита императрицы Потемкина. Его фаворитки менялись чуть не каждую неделю, в то же время Денис Иванович почитали как примерного семьянина и отца многочисленного семейства. Приезжающие в Тобольск иностранные гости поражались обилию и изысканности блюд и угощений. Тут можно было увидеть и ласточкины гнезда, выписанные

из Китая, омаров, лангуст, салат из бамбука, фаршированных змей и павлинов. И в то же время подавалась тертая редька и гороховый кисель.

Сам хозяин являлся в халате, вышитом золотыми нитками, с голландскими кружевами и алмазными пуговицами. Зато на ногах у него могли оказаться обычные потертые тапочки. Одно из главных его достижений — создание певческого хора или, как его величали, музыкальной капеллы. Сибирь считалась «безголосой» страной, где пели лишь приезжие. Первые музыкальные вечера устраивались пленными шведами во времена Петра I.

Чичерин же выписал регента Сабальникова, который собрал певцов, музыкантов и обучал их «итальянскому пению». Один пример, как музыканты ублажали жизнь горожан. Вечером, на заходе солнца, у склона горы перед губернаторским домом выстраивался весь хор с музыкантами. Вперед выходили барабанщики, играли «вечернюю зорю», отбой, после чего всякое движение в городе прекращалось. Нарушителей хватили и отводили на гауптвахту. Через некоторое время, как только стихали отзвуки барабанных ударов, раздавался задумчивый звук флейты. За ней вступали скрипки, альты, кларнеты и, наконец, весь хор тихо выводил чистыми голосами: «О, вспетая мати...». Пение продолжалось полчаса и больше. Божественное пение лилось над вечерним городом, как голоса ангелов над первоизданной землей. Один из приезжих вспоминал, что когда он впервые услышал это пение, то решил, будто действительно ангелы возвещают о явлении Миссии. Он упал на колени и стал истово молиться, вознося хвалу Господу...

Думается, что сибирский губернатор в этом образе видел себя. ...Во время чичеринского правления митрополитом Сибирским и Тобольским был Павел Конюшкевич, он не во всем соглашался с самой императрицей, за что, впрочем, и был затем отстранен от архипастырства. Митрополит несколько раз указал Денису Ивановичу на нарушения гражданских властей и тем самым оказался в числе наипервейших врагов сибирского губернатора. Желая досадить митрополиту, Чичерин велел тайком нарядить

своих слуг, солдат, полицейских в монашескую одежду и выдать им денег на водку. Они разошлись по кабакам, набирались горячительным, говорили «непристойные слова», целовались с дамами легкого поведения и затевали потасовки. На другой день все церкви оказались пусты. Обескураженные подобным поведением монашествующих братьев прихожане отвернулись от священнослужителей.

Конюшкевич вскоре разобрался в чем дело и выступил с бурной обличительной проповедью в Софийском соборе. Но этого ему показалось мало, и он решил увековечить образ своего врага для потомков. Как раз шел ремонт Ильинской церкви, что находилась неподалеку от губернаторского дома. На задней стене по приказу митрополита художник изобразил сцену из Страшного Суда, где в центре стоял сибирский губернатор в генеральском мундире и при всех регалиях. Прихожане буквально со всех ног кинулись рассматривать и обсуждать новое творение живописца, весь город был взбудоражен. Губернатор не мог показаться на улице, смеялись над «грешником», указывая на него пальцами.

Чичерин ответил митрополиту тем же: в прихожей губернаторского дома закрасовалась огромного размера икона с сюжетом Страшного Суда и митрополитом Павлом, сидящим в котле со смолой. Морды чертей весьма напоминали физиономии многих священников. Исследователи пишут, что последний раз эту икону видели в Аремзянской церкви, куда она попала как подарок губернатора купцам Корнильевым.

Так что противостояние властей было задолго до нынешнего. Оно закончилось печально для обоих сибирских правителей. Первым был отрешен от правления митрополит Павел, выступивший с протестом против указа императрицы о передаче монастырских земель в государственную казну. А в мае 1781 года отстранили от власти и Дениса Ивановича за растрату 1 миллиона 800 тысяч рублей казенных денег. Правда, употребил он их, якобы, во благо дело: во время сильного голода кормил голодных сибиряков. Но кто его знает, что было потрачено на черный хлеб, а что на китайскую кухню для губернаторского стола... К тому же он умудрился раздарить

множество казенных земель своим любимцам, а также впридачу и ссыльных людей в качестве крепостных.

Остаток жизни он провел в своем орловском поместье в полном одиночестве и умер в шестьдесят пять лет. Но слава о нем в Сибири жила еще более сотни лет.

Ремонт мостовых

29 апреля 1774 года по Архангельской улице сжал в карете полковник Булгаков. И вдруг лошадь у него ступила в расщелину на мостовой и поломала ногу. Полковник пожаловался губернатору и последовал следующий указ: «Повелеть, дабы отныне впредь живущие в Тобольске обыватели порядочным образом, где делаются на мостовой выбоины и скважины, то вставляли в тех поврежденных местах целые доски, а не мелкие вставки, отчего проезжающим как людям, так и лошадям становится вред. Так во время проезда господина полковника Булгакова цуговая лошадь проломилась ногою на мостовой и ногу в дробные части изломала, а сидящий на ней форейтор, летя с нее стремглав, поднят полумертвый. Хозяина того дому, против которого сие несчастье приключилось, высечь на рынке, с барабанным боем, нещадно плетью и, выбрив голову, употребить на два месяца в катаржную работу...».

Борьба с тараканами

И, вероятно, самый интересный указ был издан по вопросу борьбы с тараканами. «Как ныне наступает время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от полиции о том объявить». Какое наказание полагалось за тараканов, в приказе не сказано. Но, заступаясь за Чичерина, заметим, что им был открыт гарнизонный госпиталь, в котором преимущественно лечили поротых за провинности тобольских обывателей. Госпиталь тот и сейчас стоит.

§ *Детская площадка*

Анатолий Васильев

В некотором царстве

Рассказы о Времени

Для детей и взрослых

В некотором царстве, в некотором государстве...

Будто начало сказки, но у нас рассказ.

В царстве-государстве ВРЕМЯ есть Поле Чисел, по-иностранному Циферблат, есть Компьютер — Считальная Машина по имени Железная Голова, есть Телескоп по

имени Тот, Кто Далеко Видит, есть люди, планеты, созвездия.

Земля повернется к Солнцу стороной, на которой мы живем, — у нас День, повернется к Луне — у нас Ночь. Когда пройдут День и Ночь, говорят, прошли Сутки. О них наш первый рассказ, второй —

о Неделе остальные — о Месяце, Годе.

Я буду рассказывать, а ты — слушать и задавать вопросы.

СУТКИ

Живут на Поле Чисел дочка Пострелка, мама Медлена, отец Нетороп.

— Ой какое большое! — воскрикнула Пострелка, увидев Поле впервые! — Какое огромное! По краю его стоят барьеры, а при них — цифры: возле первого — 1, возле второго — 2, возле третьего — 3, возле тридцатого — 30, возле сорокового — 40...

— Тик! — сказала Пострелка и прыгнула через первый барьер. — Так! — сказала и прыгнула через второй. — Тик! — прыгнула через третий. И только пятки ее засверкали над барьерами — Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так! — перепрыгнула через последний и прокричала маме: — И всего-то их 60!

Подняла глаза к Считальной Машине, а та мигает зелеными огнями:

1 круг = 60 секундам.

«Мой прыжок называется с е к у н д а!» — поняла Пострелка. И поняла правильно.

Ее на Поле Чисел назвали С е к у н д а н а я С т р е л к а.

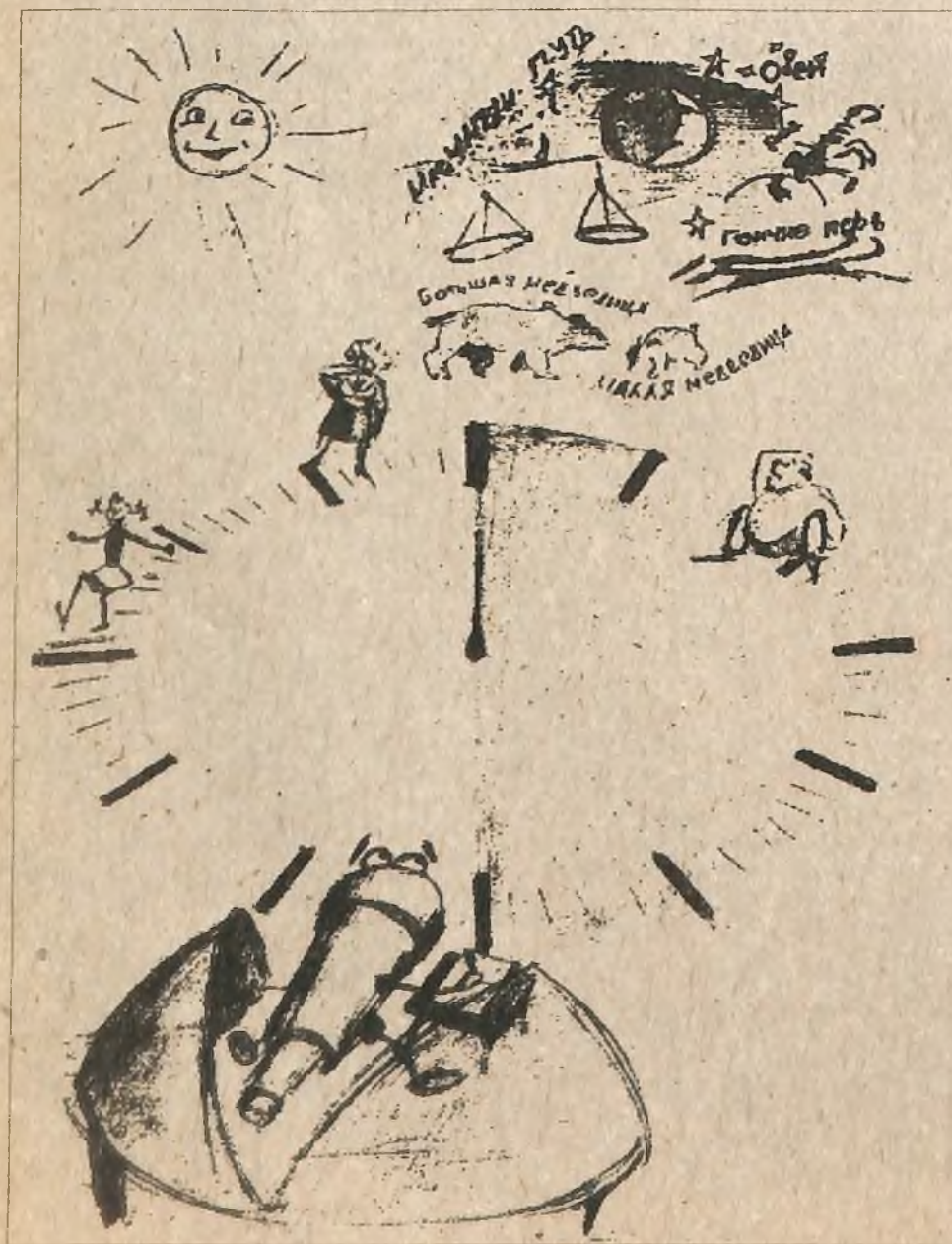
У нее веселый нрав — бегаёт по кругу, распевает песенки:

Тики-таки, тики-так,
Тики-таки.
Не дают уснуть никак
Мне собаки.
То ли игры у собак,
То ли драки.
Тики-таки, тики-так,
Тики-таки...

Странная песенка. Какие собаки могут быть на Поле Чисел?!

А у Пострелки — никаких забот, знай себе распевает:

Тики-таки, тики-так,
Тики-таки.
Говорят, что любит Рак
казинаки...

Мама Медлена по кругу ходит неспеша. Пока идет от цифры 1 к цифре 2, Пострелка уже весь его обжегит. Считальная Машина замигает зелеными глазами: 1 минута = 60 секундам.

На Поле Чисел шаг Медлены называется м и н у т а, а сама она — М и н у т н а я С т р е л к а. — Тики-таки, тики-таки, — ходит Медлена невидимыми шагами по Циферблату. — Таки-тики, таки-тики.

От первого барьера до последнего — далеко, она заполняет путь песней:

Таки-тики, таки-тики,
Светел Волос Вероники.
Тики-таки, тики-таки,
Нет хвастливей задаваки.

Какая Вероника в стране В р е м я, какой В о л о с?

Медлена поет и голос ее ровен: никогда не поднимется, не понизится:

А попросишь Веронику:
— Тики-так потакитикай —
У несчастной задаваки
Ни тик-так, ни тики-таки...

Отец Нетороп важен и молчалив. Но больше всего задумчив. Скажет «тик» — потом столько ждать, пока произнесет «так»!

Тик! Укрылись в тени Весов
Рак с Овсеном от Гончих Псов,
Две Медведицы ускользнуть
Успевают за Млечный Путь.

И у него все странно.

Но он не поет — разговаривает сам с собой:

Из-за этих пустых собак
Все не скажется слово «так»!

Он на Поле Чисел называется Ч а с о в а я С т р е л к а. Не скажешь же Ч а с о в о й С т р е л!

Секундная 60 раз круг обжегит, Минутная пройдет от 1 до 60, а он только от 1 до 2 одолеет.

Машина Железная Голова мигает: 1 час = 60 минутам = 3600 секундам.

Шаг у Неторопа называется Ч а с. Так они и живут.

Когда собираются вместе, перетикитакиваются:

— Тик. Чего это мы все ходим и ходим? — говорит Нетороп. —

Даже не приостановимся. —

Помолчит и добавит: — Так.

— Тики-таки ни волос не прибрать, ни с собачкою прогуляться, — посетует Медлена. — Для чего мы таки-тики не бережем себя?

— Для того, таки-тики, чтобы люди Время не потеряли. — скажет Пострелка.

Нетороп по Полю Чисел проходит круг один раз Днем, один раз Ночью.

Днем он проходит круг за 12 шагов, Ночью — за столько же.

Железная Голова мигает:

12 шагов + 12 шагов = 24 часа.

Интересная Машина: считает шаги, а получает часы!

Когда Нетороп сделает 24 шага, пройдут День и Ночь, пройдут С у т к и.

Это Земной Шар сделает полный оборот вокруг своей оси.

Во весь экран Считальной Машины загорятся цифры:

1 сутки = 24 часам = 1440 минутам = 86400 секундам.

Машина считает все, что входит в ее железную голову.

Взойдет над Землею Солнце — она сосчитает:

расстояние до Солнца = 150. 000. 000 км.

Взойдет Луна — сообщит:

расстояние до Луны = 384 000 км.

Ночью на Поле Чисел выходит Телескоп. Тот, Кто Далеко Видит, и начинает показывать Небо.

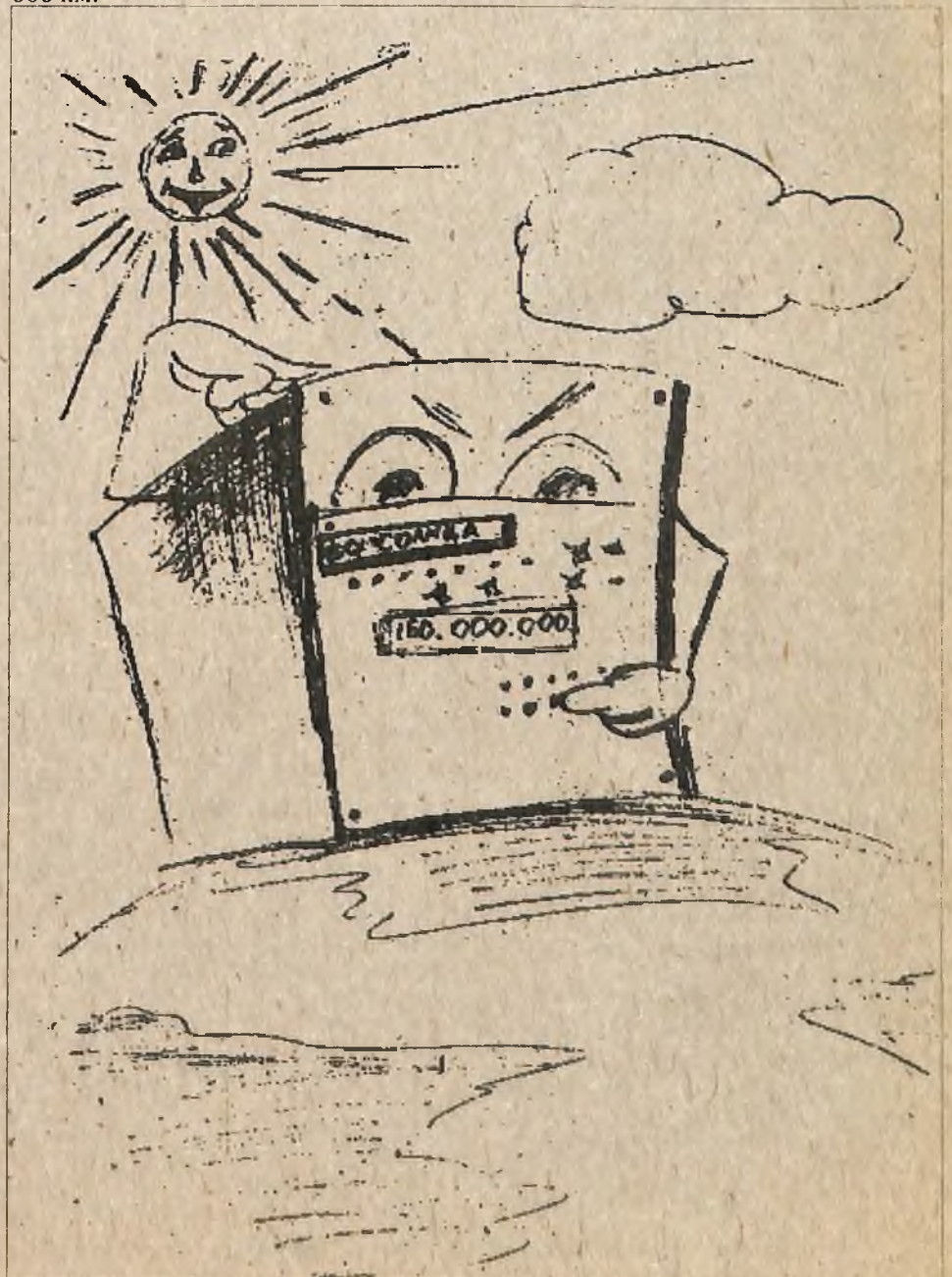
Через весь Небосвод лежит Млечный Путь, куда-то пятится Рак,

под чашей Весов пасется Овен, высоко занес светлые рога Козерог, Гончие Псы в вечной погоне сверкают зелеными, как у Считальной Машины, глазами.

Напротив друг друга стоят Малая и Большая Медведицы.

Звездным ветром развеяны Волосы Вероники...

Так называются созвездия над планетой Зсмля.

Сабантуй

В довоенное время в стране широко отмечался День железнодорожника, в народе почему-то названный Сабантуй, он праздновался в первое воскресенье августа. История возникновения праздника такова: в 1935 году, 30 июля в Кремле состоялся прием передовиков железнодорожного транспорта, на котором присутствовал Сталин. Поэтому пропагандисты объявили этот день Сталинским, а Каганович «обозвал» Сталина «первым машинистом революции». В то время все, что связано с именем вождя, должно было выглядеть внушительно, поэтому проведению праздника придавалось особое значение, игнорировать которое никто не мог. Расскажу как его проводили железнодорожники Ишимского узла и местное население. Комиссия по организации праздника при выборе места проведения отдала предпочтение разъезду №38, в народе названном «Таловка» по имени протекающей здесь речки. Первоначально предполагалось место проведения разъезд Малый Остров. Впервые организованный выезд состоялся в 1938 году. Железнодорожниками узла Ишим была выполнена большая работа по подготовке вагонов под перевозку большого количества людей. Было отремонтировано и пропущено через санпромывку до 30 двухосных товарных вагонов, которые оборудовали скамьями для сидения. За два дня до праздника рабочий поезд из Ишима вывозил материалы и людей, строивших на месте проведения праздника временные магазины, ларьки, склады и прилавки для торговли. Оборудовались площадки для цирковых представлений, стрелковых соревнований, духового оркестра и танцев. Накануне праздника завозились в большом количестве продовольственные, кондитерские, табачные, вино-водочные изделия и много пива в бочках. Все это с рабочего поезда перевозилось на лошадях, перетаскивалось и

перекатывалось вручную в рядом расположенный лес. К вечеру накануне праздника место проведения представляло из себя большой цыганский табор, расположенный в чистом березовом лесу, омываемом с двух сторон речкой Карасулькой, заросшей сплошь черемухой, смородиной и диким хмелем. В эту пору попевали ягоды смородины и черемухи. Все работники к вечеру были на месте, все было готово к приему гостей. Последними приезжали музыканты духового оркестра, начинали опробовать свои инструменты. Население из ближайших деревень прибывало загодя, с ночлегом, чтобы не опоздать к открытию праздника. Вечером продавцы, разложив и распаковав товар, приступили к пробной торговле, обслуживая в основном местных. Главное намечалось на завтра. Все были в ожидании чего-то особенного, важного. По мере наступления сумерек лагерь затихал, люди кто как мог устраивались на ночлег, присматривая за своим товаром и хозяйством. Рано утром, когда всходило солнце, но роса еще лежала, раздались бодрые звуки духового оркестра, оповещавшего о начале праздника. В семь утра прибыл из Ишима первый поезд с гостями, которых было сравнительно немного. Поезд ходил туда и обратно за один час, народ прибывал примерно до 13 часов. Интересно было видеть, когда из прибывшего поезда сходили тысячи людей и устремлялись в лес, где гремела музыка, звучали песни, шел пир горой и гуляние. Воздух в лесу был пропитан неповторимым запахом кондитерских изделий, пива, копченой колбасы, дорогих сортов папирос. Приезжавшие из Ишима гости собирались компаниями, расстилали пологи и начинался пир. Многие привезли свои гармони и распевают песни. Деревенские использовали случай бесплатно покататься на поезде туда и

обратно. Выступали цирковые акробаты, артисты, конферансье. Устраивались различные соревнования на призы. Парни, имевшие значок «Ворошиловский стрелок», без очереди, на зависть пацанам выбивали призы: одеколон, папиросы, блокноты и другое. Все были заняты: кто пил, кто гулял и веселился и не было лиц хмурых и недовольных. Такие большие мероприятия обычно не проходили без каких-либо «ЧП», были случаи, когда не в меру разгоряченный вином, решив охладиться, полезет в речку и захлебнется, другой полезет на березу, сорвется и сломает руку или ногу. После шести часов вечера семейные люди начинали собираться домой и отъезжать. Праздник начинал затихать, но ни одна торговая точка не сворачивала свою работу пока не распродала весь свой товар, торговать весь день — такое было указание. К восьми часам вечера площадь в несколько гектаров представляла собой поле битвы, на котором лежало под березами, кустами и на полянах в различных позах десятки мужчин. Возле них сидели жены, охраняя покой супругов и имущество. Земля под ногами была выбита в пыль, представлялось невероятным, что два дня назад здесь росла трава по колено. Рабочий поезд продолжал регулярно совершать рейсы до 12 ночи. На следующий день с места гуляния производилась вывозка материалов и нераспроданных товаров. После войны впервые праздник был устроен в 1947 году, уже в другом месте, на северной стороне линии. Прежний лесной массив был вырублен в 1944 г. одним из заводов г. Ишима, работавшего на оборону. Послевоенные праздники были намного беднее и скромнее, было другое время и другие песни.

В. Коптелов.

Командарм Чернавин

I

И пять, и десять лет, и более. Я иду по его следам: он человек высокого положения в жизни, основательный, а следы исчезают, теряются то в прошлом, то в настоящем веке. В прошлом им прожит сорок один год, в настоящем — тридцать восемь, почти поровну в том и этом.

Но они не равны, эти две половины, хоть и заполнены обе событиями, направляющими как его, Всеволода Владимировича судьбу, так и судьбу народа, а то и народов.

Он родился 29 января 1859 года в Тюмени. Так значит в его формулярном списке — личном деле, но я прихожу в архив, листаю церковные книги и не нахожу его. В церковных книгах — запись рождений, браков, смертей. Они пухлые, закапаны воском, мешковина их переплетов груба. От них исходит запах тлена, ладана, но лишь поначалу, потом понимается — они пахнут временем.

...Имя новорожденного — Алексей. Родители — «Черно-Реченского Винокурного Завода надворной советницы Пономаревой крепостный крестьянин Егор Иванов и законная жена его Акилина Макарова, оба православного вероисповедания. Восприемники того же Завода той же надворной советницы крепостный крестьянин Абрам Филиппов Поляков и города Тюмени мещанская дочь Татяна Антипьева Девяткова».

...сочетается браком Тюменский заплочный мастер Дмитрий Иванов Рожаев.

...преставил кулаковский крестьянин Иван Данилов Кулаков, 90 лет... представилась тюменская мещанка Аграфена Панфиловна Кондакова, 93 лет...

В. В. Чернавин с сыном Владимиром

Листаю страницы — сотни имен, фамилий, есть Всеволоды, Владимиры, есть Чернины, Чернавиных — нет. Мне хотя бы Чернавины, не Всеволод Владимирович, хотя бы они. Мне бы еще одно подтверждение, кроме формулярного списка, что Чернавины и Тюмень — не случайное совпадение. Наши дни. Телефонный справочник. Нет и нет. Расспрашиваю старожилы — о таких не слышали.

Я делюсь заботой со своими студентами пять лет и десять, и более.

Тоненькая и светлая, с мягким шагком балерины, подходит ко мне после лекции девушка:

— Я знаю Чернавиных.

Кто ищет — находит. Старая истина. Но чтобы ей подтвердиться так просто?! Так просто быть Чернавиным знакомыми ее родителей?!

Собираемся, едем. И удача к удаче — в сборе вся семья: мать, дочь, сын-офицер — и все Чернавины. Напрягать память, восстанавливая родословную, не надо — они только что о ней говорили.

— Да мы, молодой человек, и в Тюмени, и вокруг нее по уездам жили, — матери за семьдесят, древо рода широкой кроной стоит

пред ее глазами, — и много дальше: Ишим, Гольшманово...

Широка крона, да ни одной веточкой к Всеволоду Владимировичу не тянется, каждая-то она крестьянская, а имя и путь его — не от сохи: Омский кадетский корпус, Павловское военное училище, Академия Генерального штаба... Исключения были, только... Только с годами в них меньше верится.

Признается пока одно: в формулярном списке могли быть соединены без ошибки Тюмень и Чернавин.

В нем не строки и графы, но веки на перевалах и

перепутьях военной

жизни: 1877 год — произведен в прапорщики, участник русско-турецкой войны, доброволец; 1899 — произведен в полковники; 1907 — в генерал-майоры; и это в то время — рубеж XIX-XX веков, — когда офицерский состав русской армии был безнадежно старым. Капитаны, например, имели средний возраст 50 лет, командующий войсками Киевского военного округа семидесятилетний М.И. Драгомиров характеризовал одного: «Был конь, да уездился», другого: «Ненормален», третьего: «Давно по дряхлости нуждается в покое»...

В сентябре 1914 года генерал-лейтенант Чернавин назначается начальником 3-й гвардейской дивизии. Под ее знаменами — полки петровского формирования. Некто Вильгельм Второй называл дивизию жемчужиной русской армии.

С этого времени имя Чернавина в штабных документах встречается часто... В приказе № 249 по войскам II-й армии от 15 июня 1915 года говорится, что начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенант Всеволод Чернавин награждается орденом св. Георгия четвертой степени «за то,

что 27 и 28 мая 1915 года овладел с боя вверенными ему частями дивизии селениями Голешов и Лапшин и вышел на реку Днестр к переправе у с. Журавно. Отлично руководя войсками и находясь все время в боевой линии,.. завершил бой полным поражением противника, принудя австро-германцев к беспорядочному отступлению на правый берег р. Днестра с потерей орудий и массы пленных».

В годы войны имя Всеволода Владимировича звучало на страницах боевых приказов и донесений, после войны — на страницах воспоминаний. «За участие в боях на реке Стоход во время брусиловского прорыва (начало 1916 года) генерал Чернавин наградил меня серебряной дощечкой на шашку, где были выгравированы слова: «Поручику Б.К. Колчигину лейб-гвардии Литовского полка за непоколебимое мужество, неустрашимую храбрость и неукротимый порыв от начальника 3-ей гвардейской дивизии генерал-лейтенанта В. Чернавина»...

Борис Константинович Колчигин служил под началом Чернавина с 1914 по 1918 год, встречался с ним вплоть до 1931 года. В его воспоминаниях Всеволод Владимирович живет как крупный военачальник, честный, оригинальный человек сурового нрава... В 1917 году В.В. Чернавин назначен командиром 2-го гвардейского корпуса. В октябре второй гвардейский корпус в полном составе высказался за безоговорочное признание Советской власти.

II

В конце апреля 1918 года из Москвы в Воронеж выехал человек солидного возраста — ему шел шестидесятый год. В кармане его френча лежал мандат, подписанный членами Высшего Военного Совета Российской Республики М.Д. Бонч-Бруевичем и Н.И. Подвойским: «Высшим Военным Советом назначается военным руководителем Военного Совета Воронежского района Всеволод Владимирович Чернавин. Высший Военный Совет просит все советские и правительственные организации и учреждения

оказывать названному лицу всяческое содействие». События на Украине сделали той весной Воронеж приграничным городом: объявив о выходе из Российской Федерации и государственной независимости ее, Центральная рада подписала соглашение с державами Четвертого союза, и его войска к концу марта заняли территорию Украины. Между ней и Россией пролегла демаркационная линия. Телеграф московско-воронежского направления работает напряженно, на телеграммах не только дата — день, месяц, год, но и часы, минуты. Военный руководитель Воронежского района 4 мая 1918 года в 23 часа 20 минут извещается: «Главковерх на Украине Антонов-Овсенко сложил с себя полномочия. Все части, действующие на Украине и перешедшие границу Воронежской губернии, должны быть расформированы. Из расформированных таким образом частей воронежские могут быть взяты на усиление Воронежского отряда, развертываемого в дивизию, если они пригодны по своему состоянию. Если среди неворонежских частей окажутся надежные части, то они могут быть отправлены в Курский и Брянский отряды по согласованию с военными руководителями этих отрядов... Бывший главковерх на Украине срочно выезжает в Воронеж и может оказать помощь при определении качества частей. Южный фронт становится для республики главным: красновская конница вытптывала донские степи, кубанские — Добровольческая армия Деникина. Регулярных войск фронт практически не имел. Приходящие с Украины части тащили обозы, вели за собой анархию, партизанщину, разбойные банды, вроде банд Петренко, Маруси... Все это нужно было рассортировать, определить, привести к повиновению, к подчинению единой воле... А Высший Военный Совет — Выссовет по тогдашней терминологии — шлет воснруку Чернавину телеграммы, помеченные не только числом, месяцем, годом, но часами, минутами, напоминает: «Поворинский узел является связующим звеном направлений Поворино-Царицын и Поворино-Балашов-Ртищево и далее Саратов-Пенза. Ввиду этого в удержании поворинского узла

заинтересован Воронежский отряд и Северо-Кавказский округ, причем Воронежский отряд должен обеспечивать пути на Балашов точно так же, как Северо-Кавказский — путь на Царицын...». В Воронеже принимают к сведению, учитывают, создают полки и дивизии. В память о втором гвардейском корпусе образуют Советский Литовский полк, его основа — личный состав полка старой армии. 8 августа Н.И. Подвойским подписывается приказ о его боевых действиях. «Прибывший на Поворинский фронт Советский Литовский полк во главе с командиром его, бывшим капитаном т.Колчигиным, своей дисциплинированностью и внутренней спайкой резко выделяется среди красноармейских частей. Высокие качества полка ярко сказались в боях 4, 5, 6 августа в районе Поворино, когда полк под умелым командованием т.Колчигина отбил неоднократные атаки противника на ст.Поляна, захватив одно орудие, перейдя в наступление, с боя занял ст.Касарку, отбив контратаку противника на эту станцию. Наконец, командир полка т.Колчигин, взяв под свое командование все находящиеся в Поворино части, разумно организовал оборону этого важного пункта. Действия Советского Литовского полка, распорядительность и мужество его командира т.Колчигина дали возможность сохранить важный для нас железнодорожный узел. Объявить Советскому Литовскому полку за его славные боевые действия от имени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики благодарность. Ходатайствую в Совете Народных Комиссаров о даровании полку за оказанные отличия боевого Революционного Знамени». Сопоставляю приказы, фамилии. Генерал-лейтенант Чернавин для меня — олицетворение власти во втором гвардейском корпусе, капитан Колчигин — его личного состава. Кто на кого влиял в октябре 1917 года: командир на корпус или корпус на командира? Об убеждениях Всеволода Владимировича в документах ни строчки. Потому, может быть, мне так хочется выяснить — из какой он семьи, какого рода-племени? Только вдруг это и не самое главное. Потомственный дворянин

Б.К. Колчигин в 1944 году стал генерал-лейтенантом Красной Армии, командовал различными дивизиями и корпусами, а в начале 1918 года в Киеве потомственный же дворянин Муравьев расстрелял его отца, дядю и двоюродного брата. Тот самый Муравьев, что позднее был назначен командующим Восточным фронтом, изобличен как изменник и убит при аресте.

В размышления входит приказ № 210 от 17 августа 1918 года, подписанный Н.И. Подвойским: «Начальником Поворинского боевого участка, командиром Литовского полка Колчигиным за отказ выступать на позицию расформирован сводный Борисоглебский полк, люди разбиты по другим полкам. За категорический отказ выступить на позицию им же разоружен первый батальон шестого Курского пола, и 60 человек отправлены в Борисоглебск для предания суду. Вполне одобряя принятые тов.Колчигиным меры, горячо благодарю его за неизменно энергичные действия по защите вверенного ему боевого участка».

Суровое время требовало решительности, крутых мер. Приказом РС Республики от 11 сентября 1918 года образован Южный фронт, в состав которого входят Воронежский и Поворинский участки наравне с другими участками и отдельной Северо-Кавказской армией. Командующим фронтом назначен П.П. Сытин, членами РВС фронта И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, С.К. Минин. Двумя неделями позже решением РВС Республики создается 8-я армия из частей Воронежского, Курского, Брянского и других участков и направлений. В приказе № 1 по этой армии говорилось: «На основании предписания Революционного Военного Совета Российской Республики от 26 сентября 1918 года за № 185 и согласно лично данных мне Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Российской Республики Вацетисом указаний, я сего числа вступил в командование армией. Штаб армии — город Воронеж. В. Чернавин. 30 сентября».

Из частей Поворинского и Балашово-Камышинского участков была создана девятая армия во главе с А.И. Егоровым.

Южный фронт с очевидностью определялся как главный, здесь решалась судьба революции, через Воронеж открывалась дорога на Москву.

Члены РВС фронта проводили работу без согласования своих действий с командующим, отстраняли от должностей военспецов, расстреливали без достаточных оснований, за что получили резкую отповедь В.И. Ленина на восьмом съезде. 29 сентября 1918 года они на заседании РВС пытались отстранить командующего от решения важнейших вопросов даже при организации и ведении боевых действий. П.П. Сытин прекратил прения, закрыл заседание, о чем сообщил в Москву с объяснением причин и обстоятельностью. 3 октября на имя Сталина пришла телеграмма от Выссовсовета: «Никаких перегруппировок частей войск без разрешения командующего фронтом Сытина не производить». А позднее Сталин был отозван в Москву. Ворошилов назначен командующим десятой армией, Минин — членом РВС ее.

В октябре-ноябре, имея большое преимущество в силах и будучи знакомым с оперативными планами Южного фронта, с которыми их ознакомил перебежчик — начальник штаба СКВО, — белогвардейцы настойчиво стремятся захватить Воронеж и открыть себе путь к Белокаменной. Развенулись упорные многодневные бои. Первым успехом советских войск на этом фронте был переход 8-й армии в контрнаступление под Лисками — белоказацкие части не выдержали натиска и обратились в бегство.

III

Большая жизнь не вмещается в эти короткие строки. Большая сама по себе эта жизнь соприкасалась с меньшими.

Членом РВС восьмой армии был Иона Эммануилович Якир. Воспреемниками Всеволода Владимировича на посту командующего восьмой армии были Владимир Михайлович Гиттис и Михаил Николаевич Тухачевский. 18 декабря 1918 года В.В. Чернавин получает новый мандат: «Предъявитель сего тов. Чернавин Всеволод Владимирович состоит инспектором пехоты при Полевом Штабе Революционного Военного

Совета Республики и имеет право свободного передвижения по всем железным дорогам в предоставленном в его распоряжение вагоне и переговоров по прямым проводам и бесплатной подаче телеграмм со всех станций военного, правительственного и железнодорожного телеграфа, что подписью и приложением печати удостоверяется. Всем советским, железнодорожным и другим организациям и учреждениям надлежит оказывать тов. Чернавину полное законное содействие при исполнении им служебных обязанностей».

В феврале 1919 года образуется Западный фронт. Среди поочередно сменяющихся командующих Владимир Чернавин — человек солидного возраста, далеко не богатырского здоровья. Перемещения по службе продолжались: в 1924-1926 гг. — В.В. Чернавин в распоряжении Реввоенсовета СССР для выполнения особых поручений, с июля 1926 по 31 марта 1931 года — сотрудник Научно-Уставного отдела Штаба РККА и одновременно преподаватель военной академии им. М.Ф. Фрунзе и Курсов усовершенствования высшего начсостава Красной Армии. Его слушателями были многие наши прославленные полководцы.

Им изданы в Смоленске в 1921-1924 гг. «Ротные тактические учения», «Огонь и движение», «Полевое обучение пехоты», «Взвод в наступательном бою». Он ушел из жизни в тридцать восьмом году.

А что еще было?

Был сын Владимир, родившийся 24 октября 1891 года в Царском Селе, окончивший Второй кадетский корпус, Павловское училище и ставший в Первую мировую войну кавалером всех офицерских орденов: от св. Анны 4-й степени до св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Бывший капитан лейб-гвардии в мае 1918 года становится помощником начальника штаба Военного руководителя Воронежского района и служит на различных должностях до 1934 года, когда увольняется из Вооруженных сил по состоянию здоровья...

Был внук Всеволод, морской офицер, участник Великой Отечественной войны. Многого еще было.

А. Васильев

Он смотрит на меня сквозь очки из небытия, из забытости. Спокойным напоминанием о его значимости выстроены вдоль петлицы четыре ромба командира второго ранга — воинского звания, полученного им в отставке. И мне так хочется найти, встретить фамилию Всеволода Владимировича в архивах Тюмени, может быть, потому, что хочется пройти его жизнь от начала до конца, пройти как по улице его имени.

А. Васильев.

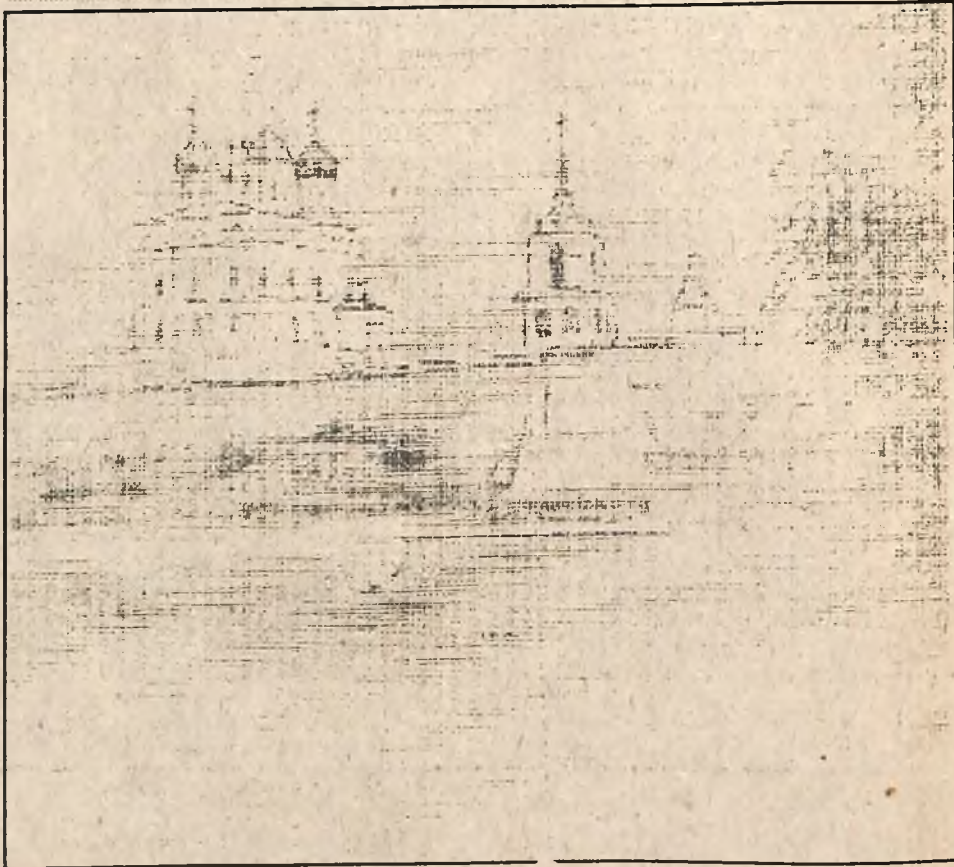
Миниатюры истории

Экспонаты на выставку

На всероссийскую Нижегородскую выставку от Тобольского училищного Епарх. Совета представляются рукодельные работы учениц церковно-приходских школ Тобольской епархии. Экспонаты представлены от церковно-приходских школ: Андреевской и Крестовоздвиженской в г. Тобольске; Липоярской и Вагайской Тобольского окр.; Слободо-Суерской, Падунской, Юргинской и Ново-Уковской Ялуторовского окр.; Тугулымской Тюмен. окр.; Кривинской Курганского окр.; градо-Сургутской и Аромашевской Ишимского окр. Школы представили разные работы учениц, как-то: одеяла, вязанные из гаруса, ковры, вязанные из гаруса, полотенца, вышитые в крестики, скатерти, вязанные в тамбур, наволочки, вязанные крючком, пояса, плетенные из шерсти, шерстяные подчасники, рубашки, расшитые гладевым швом, шарфы, связанные из шерсти на двух иглах, туфли, вышитые по канве, закладка в книгу голубой шелковой ленты с вышитыми на ней белою канителью словами, воздух шитый по атласу крестиком и проч.

Апрель, 1896.

Торжество освящения храма в инородческом с. Полноватском Березовского уезда

12 декабря минувшего, 1911 года совершено освящение нового храма в с. Полноватском. По церковной летописи — это уже четвертый храм. Первый храм был построен в 1714 году старанием апостола Сибири митрополита Филофея (Лещинского) при содействии и материальной помощи князя Гагарина, Сибирского воеводы, и частью на средства правительства. Второй храм построен в 1765 году, на какие средства — неизвестно, и третий храм — в 1817 году на средства прихожан и частью на пожертвования богомольцев. Мысль о сооружении нового храма возникла шесть лет тому назад при обсуждении вопроса о ремонте колокольни, верх которой подвергся гнилости и разрушению. По предложению местного благочинного, церковно-приходской сход приговором приговорил ходатайствовать перед епархиальным начальством о

постройке нового храма. В продолжение трех лет с инородцев производился сбор на построение храма, согласно сметы заготавливался строительный материал. Безропотно инородцы клали свои рубли, обнаруживая, кроме того, еще большее усердие к обновлению церковной утвари и сооружению нового иконостаса: с 1909 по 1912 год добровольных пожертвований поступило от них около 1900 рублей. Это были вполне сознательные жертвы, не имеющие характера безразличного отношения, жертвы не от избытка средств, но от избытка сердечного расположения к храму Божию. Понявши нужды церкви, они покорно шли навстречу удовлетворению их... Таким образом, благодаря всеблагому промыслению Божию, ко времени освящения храма в нем многое обновилось и, действуя на эстетическую сторону инородцев, возбуждало их интерес и прилежание еще к большему

благоукрашению храма Божия. В зависимости от этого, надо полагать, увеличилась и свечная прибыль за последние годы. По объявлении инородцам о дне освящения храма, они примитивным способом начали вычисление ожидаемого времени, нарезая на палочках количество оставшихся дней и удаляя потом с нее каждый прожитый день. К 12 декабря, несмотря на промысел, они в порядочном количестве собрались в с. Полноватское. Освящение поручено было настоящему градо-Березовского собора о. Петру Дубасову, который при участии иереев А. Страхова, Т. Ворокосова, М. Мартиньянова и местного А. Соколова совершил положенное богослужение. Внутренний вид храма производил весьма отрадное впечатление, вызывая чувства благодарности, признательности и радости за помощь Божию в захолустном, заброшенном месте, почему и богослужение совершалось воодушевленно, торжественно, чувствовался особенный подъем духа и повышенное настроение... Чин освящения прошел без замешательства, и во всем соблюдался должный порядок.

По освящении храма местный священник произнес слово, приличное случаю, на инородческом языке, в котором говорилось о важности акта освящения, спасительном значении храма, как места особенного благодатного присутствия Божия, насколько приятно это дело Богу и как Он радуется, видя усердие и преданность Ему людей, о внимании к заслугам созидателей храма церкви земной, и призывались слушатели к возможно частому посещению храма, ища в нем утешения и помощи в различных житейских обстоятельствах... Слова обращения священника часто прерывались благодарными восклицаниями инородцев: «памасибо, Торым Христос, памасибо, Торым Анги! Памасибо, батько!...». Один старый инородец плакал. При стройном пении любителей литургия и молебен прошли захватывающе-торжественно... Очевидно, сила благодати Божественной коснулась и молящихся. Беспреданное приношение и перемена свечей красноречиво говорили о благодарно-восторженных чувствах инородцев.

Вместо запричастного было исполнено песнопение «Заступница усердная». Воодушевленные певцы, между которыми был и уездный начальник, в сильном молитвенном порыве произвели пением глубокое впечатление на сердца молящихся, оставив воспоминания среди инородцев...

Продажа свечей равняется 1 пуду 38 фунтам. Были и денежные жертвы. Так, под храмовой иконой оказалось от неизвестного инородца 50 рублей. Один инородец подарил 100 рублей на украшение храма. Жертвовали шелковые шали и пелены...

Да, если бы к внешним признакам усердия к храму Божия присоединилось еще внутреннее духовное озарение инородцев, если бы искра Божия ярко загорелась в сердцах их и обратила их от пути языческого заблуждения к христианской жизни со всеми ее благочестивыми обычаями, усвоенными православным христианином, то это был бы редкий, образцовый православный приход... Будем ждать... Помогите, Господи!

Местный Иерей.

Миниатюры истории

Переписка Тюменского Губернского Отдела Управления с Тюменским Уездным Отделом Управления

4 июня 1921 г.

О правилах ведения торговли

Препровождая при сем «15» книг на право торговли согласно обязательного постановления, помещенного в местной газете «Известия» №416, Губернская Комиссия и Губотдел Управления предлагает Вам немедленно приступить проведению в жизнь означенного постановления при чем разъясняет, что к осуществлению означенного нововведения необходимо отметить вдумчиво и с должной внимательностью дабы своей неумелой постановкой дела не повернуть оглобли к пережитому буржуазно-эксплуататорскому торгу, для чего Губернская Комиссия и Губотдел Управления нашли нужным обратить Ваше внимание на следующее:

1) Поручить милиции создать надежный и опытный кадр милиционеров из лиц особо выделяющихся честностью, грамотных и по возможности партийных товарищей, для наблюдения, во-первых, за правилами торговли согласно инструкции и в корень пресекающих спекуляцию в какой бы она форме ни выражалась и, во-вторых, следить за продуктами питания, чтобы они не продавались без медицинского освидетельствования.

2) Снести с Уздравотделами о назначении постоянного медицинского штата для исследования продуктов питания на рынке, приобретаемого гражданами — согласно обязательного постановления.

3) Время от времени Отделу Управления надлежит посылать на рынок одного из членов для фактического всестороннего контроля за проведением в жизнь распоряжений Центра.

Сообщая об изложенном Губотдел Управления с личной ответственностью Заведующего Уотделом Управления. Единовременныя с сим аналогичныя распоряжения даны Губмилиции и Губздраву. О выполнении настоящего распоряжения и о первоначальном ходе торговли Уотделы Управления обязуются дать Губотделу подробный доклад.

*Зав. Губ. Отд. Управления
Подпись*

Секретарь

Подпись

ГАТО. ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 29, 29 об.

Еще о тракте

История Московского Сибирского тракта уходит корнями в XII век, в те времена, когда хаживали поморы и новгородцы за Каменный пояс в Югру и Самоядь. Трудно плелось кружево большой сибирской дороги, древними дорогами Сибирского ханства возникла, как обломок некогда великой Монгольской империи и древним караванным путем Булгарского царства, старой Казанской дорогой, связывавшей когда-то Казань с торговыми центрами Средней Азии. Вплетались в Сибирский тракт охотничьи и звериные тропы и новые дороги, разведанные русскими землепроходцами. Большая северная сибирская дорога через Тобольск и Тару приняла все торговое движение в Сибирь и из Сибири.

Позже торговый тракт отодвинулся на юг, но долго еще шумели на старой дороге ярмарки и торжки. Дмитриевская ярмарка в с. Такмыкском, Троицкая — в с. Пустынном, Богоявленская — в с. Викулово, Крещенская — в с. Абатском и Петровская. Горели на солнце ткани шелковые, разноцветные ситцы, раздавался звон серебра, пахло салом, вяленой, соленой, свежей, сушеной рыбой, овчинами и кожами.

Но старый тракт в начале XIX века сменил свое назначение. Если раньше был «коммерческим», «трактом по перевозке грузов», то теперь «трактом проводов колодников в Сибирь», как говорили чиновники, а народ просто звал его «кандалным». История ссылки в Сибирь стара, как и дорога, что «в некий ад вела несломленных и сильных». Еще в 1589 г. Иван Грозный, лишив неугодных людей имений, земель, сослал их в Сибирь, Казань, Астрахань.

Шведский дворянин из Упсалы Петра Петрей де Эрлзунда, в 1601 г. посетивший Россию, все, кто в немилости у великого князя, ссылаются в Сибирь. «Неугодные люди ссылались в Тобольск Борисом Годуновым и Василией Шуйским». От 1593 до 1645 г. ссылке подверглись 1500 человек, не считая жен, детей и родственников. Санкцию закона ссылка в Сибирь

получает из рук «тишайшего» царя Алексея Михайловича и его «Уложений» в 1649 г. Историкам известна «книга, переписанная Приказу тайных дел, всяким делам, черная», в нем описана, как по указу царя-тихони были «подыманы на дыбы» за взятую украдкой шепотку соли, «за просте с глупа надетый», «за непристойные слова про него, великого государя» резала язык и ссылали в Сибирь с женой и детьми.

Во время правления Александра I ссылка в Сибирь обставляется новыми указами, а старый тракт — этапными тюрьмами.

В 1805 г. появляется «Устав» об этапах в сибирских губерниях, строили их солдаты с 1824 года, а также ссыльные и вольнонаемные люди, — доносил губернатору Капцевичу П.М. поручик Потанин. Капцевич лично следил за возведением этапов на тракте и каждые 7 дней требовал доклада о ходе работ, заботился, чтобы во главе батальонов стояли благонадежные офицеры.

Несмотря на контроль губернатора, строительство казарм велось медленно, крестьяне отказывались от поставки леса, не хотели строить этапные помещения. Здания продувались ветром, летом задымались от зловонья, зимой промерзали колодники до костей.

Через каждые 50–60 км стоял этап, между ними уродцы-полуэтапы, и растянулись они через всю Россию от Москвы до Нерчинска. По понедельникам раз в неделю уходили колодники из Москвы в

Сибирь. Из Владимира по четвергам отправлялись на Нижний Новгород, оттуда в Пермь, по дороге к ним примыкали ссыльные из других мест. С зарей пронзительно свистела флейта и бухал барабан, поднимая с нар закованных по рукам и ногам людей. И снова Успенский, Переваловский, Созоновский, Покровский, Ивлевский, Бачелинский, Байкаловский, Кутарбитский, Карачинский этапы, в Тобольске — «роздых» и снова, стирая кандалами в кровь руки и ноги, движутся люди. И гремели эти кандалы до последнего дня существования царизма. Поток ссыльных увеличивался, по тракту их прошло 12 тысяч человек. В их числе Радищев, Чернышевский, Михайлов, Достоевский, Короленко, Мачтет и другие.

Тракт стал сегодня достоянием истории, ушел в прошлое, легли новые дороги с автобусами, мощными машинами, такси, обновились села, появились красивые дома, клубы, больницы, есть радио, телевидение, электричество, газ — все это раньше и не снилось. Сейчас с каждым годом память все меньше вспоминает о большом пути великого народа.

Материал взят из документов Тобольского филиала.

Н. Мурашова,
директор ТФ ГАТО.

Миниатюры истории

Побег из соцлагеря

Газета «Сталинский призыв» орган партийного комитета депо Тюмень Пермской ж.д. 13 ноября 1934 года

Приговор военной коллегии Верховного суда СССР по делу о Воронкове С.В. об измене родине.

Военная коллегия верховного суда СССР под председательством Магулевича И.О. рассмотрела 4 ноября 1934 года дело о Воронкове С.В., бывшем краснофлотце линкора «Марат».

Установила:

Во время стоянки линкора «Марат» в польском порту Гдыня 7 октября 1934 г. один из находившихся на берегу краснофлотцев Воронков Сергей Васильевич 1911 г. рождения отказался возвратиться на корабль и по уходе корабля из этого порта остался на территории

польского государства, совершив тем самым измену своей родине.

Постановила:

Воронкова Сергея Васильевича как изменника родины приговорить к расстрелу и объявить вне закона. Родственников Воронкова С.В. арестовать и передать суду. Принадлежащее ему имущество конфисковать.

Коптелов.

Сказки русских цыган

Руженька

Жил один богатый цыган, и была у него дочь. Звали эту дочь Руженькой. Была эта Руженька красива, как зоренька. Не было другой такой на белом свете и не будет. От такой красоты возгордилась Руженька: ни на одного парня не смотрит она, ни с кем слввом не перемолвится. Разоденется она в свои дорогие наряды и сидит у себя в шатре за шелковыми занавесочками. По хозяйству ни к чему она рукой не притрагивалась, все за нее делала ее старая мать, которая любила дочь свою, берегла пуше собственного глаза. Только по ночами выходила Руженька из шатра, когда никто не мог на нее взглянуть. Гордился отец своей дочерью. Даже коней менять ему было некогда: то одни сваты придут, то другие. Но не нашлось еще таких цыган, ради которых оставила бы Руженька свои шелковые занавесочки и показалась бы на люди. Нет, не было еще таких. О красоте девушки, о ее гордом нраве и о том, что она живет не как все люди, а за шелковыми занавесочками, пошла среди цыган молва. А также о том говорили люди, что ни в копейку не ставит эта Руженька хороших цыган. Услыхал про все это один молодой паренек, которому тоже не было среди цыган родни ни по красоте, ни по удали, ни по умению петь. Заиграла в этом парне кровь. От одних только дум о Руженьке стал сохнуть паренек. Захотелось ему самому взглянуть, что же это за Руженька, о которой все только и говорят. Вот и задумал этот парень идти к тому цыгану, отцу Руженьки, но не за тем, чтобы свататься, а чтобы наняться к нему в работники. Думал парень: мол, наймется он в работники, а там и случай представится посмотреть на эту красавицу. А потом видно будет, что делать. Вот оделся паренек бедно-пребедно. Нет, не потому он так оделся, что сам был из бедной семьи. Отец его богатым цыганом был, в доме одежды дорогой было сполько, что и нам бы ее столько же иметь. Был у паренька для этого свой умысел.

Короче говоря, нашел парень того цыгана, и принял его тот к себе в рабтники. Вот как-то раз уехал отец Руженьки со своей женой к знакомым цыганам, а работника оставил дома за лошадьми присматривать. Паренек все сделал так, как полагается: лошадей к реке на водопой сводил, а когда вернулся, расчесал лошадям шерсть, хвосты и гривы заплетать стал. Вот занимается он лошадьми, но не забывает и на шатер поглядывать, где сидит Руженька. Плетет хвосты и гривы, а сам песни поет и смотрит: не выйдет ли эта Руженька из шатра. Да где там — словно ни единой живой души в шатре нет! Сидит Руженька как глухая, словно не слышит песню паренька, словно и знать не хочет, что для нее он поет эту песню. И так было не один раз: уедут родители Руженьки, а парень с девушкой одни остаются — парень с конями, а Руженька со своими шелковыми занавесочками. Парень песни поет, всю душу свою в них вкладывает, а Руженька сидит себе и не показывается. Спел парень песню до половины и стал уже думать, что так и не удастся ему увидеть эту Руженьку — молодую зореньку. А тут и родители девушки приехали, и все пошло, как у цыган заведено: парень-работник с лошадьми, мать Руженьки жарит-парит, еду все готовит. Самовар поставили, поели, попили и спать улеглись. Паренек поворочался с боку на бок, повздыхал, но все-таки уснул. А что было с Руженькой — спала ли, нет ли, гадать не стану, это одному только богу известно. Прошло еще несколько дней, снова цыган с женой уехали по своим делам, а паренек остался один со своими лошадьми. Пошел парень к водопою, а когда обратно возвращаться стал, то пустил коней на траву, а сам улегся неподалеку. Хотел было снова песню запеть, да задумался.

Вот лежит он себе, о лошадях словно и забыл. А кони забрались в овсы. Видит Ружа такое дело — пришлось ей выйти из шатра. Побежала она к коням. Как увидел это парень, подумал: «Вот ты какая хитрая, Руженька, шелковые-то занавесочки тебя от людей прячут, а от тебя-то ничего не скрывают». И прикинулся он, будто спит. Подлетела Руженька к пареньку, как злая муха, стала будить его, а он не поддается, как будто сильно разоспался. А сам думает: «Ничего, буди, да смотри хорошенько, не почувешь ли ты во мне ровню!». И вот чувствует парень, что уже не так сердито будит она его, что помягче стал ее голос, словно залюбовалась девушка им. «Ну, — думает парень, — теперь уже я посмеюсь над тобой, Руженька!». Открыл он глаза, но никакой злобы на нее не почуял. И вправду: если была она зоренькой, то он был весною. Тут парень рассказал, откуда он, кто он, и признался, что пришел сюда лишь ради того, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Руженьку, ради этого решился стать работником у ее отца. Тут они сговорились, что теперь парень уйдет от них, а вернется с отцом и матерью, чтобы посвятить Руженьку. А когда Ружа стала женой этого паренька, то разом позабыла о том, как баловали ее родители. Как сильно ни любил парень девушку, все же почувствовала Руженька на своей спине цыганский кнут. Припомнил ей парень, что из-за нее пришлось ему покинуть отца с матерью и идти к ее отцу смазывать колеса его повозки. А потом отправил парень Руженьку по деревням собирать куски и копейки. Хотел он спесь с нее сбить, чтобы стала она настоящей цыганкой, чтобы горела, как свечка, перед ним и перед его отцом и матерью. А шелковые Руженькины занавесочки парень себе на портянки пустил.

Обменыш

В одном сибирском городке жила семья бедных цыган. Ну, и — обычное дело — в бедной семье полно детей. Муж с женой за день набегаются, домой придут — и на кровать падают от усталости. А там, где бедность, всегда дети плодятся быстрее. Вот родилась у них девочка. Она такая крикливая оказалась — целыми ночами не спит, орет, плачет. Так устала от нее мать, что хоть умирай.

— Эх, — говорит как-то раз мать, — хоть бы черт тебя забрал от меня. Только она это сказала, видит: входит человек — высокий такой мужчина, в шляпе, в плаще. Входит он и берет ребенка на руки. Она:

— Ай-яй-яй, ты куда?!
А тот к двери идет. Тут муж с кровати соскочил.

— Что такое? Чего кричишь? — у жены спрашивает.
— Да вот, девочку нашу унесли!
— Кто унес?

Подбегает цыган, видит: девочка в кроватке лежит.
— Что ты раскричалась? Вот же она. Ну и решили, что все это цыганке во сне приснилось.
С тех пор так и пошло: не спит девочка ночью, все плачет и плачет. Бросят ей что-нибудь, пока она жует — молчит, а прожует — снова кричать начинает.

Ну, кончим об этом говорить, а скажем о другом.
В том же городке жила еще одна семья — богатые цыгане. Был в этой семье один-единственный сын, больше детей не было. Отец — человек хозяйственный, и сына он к тому же приучал. Как-то раз говорит отец сыну:

— Ну, сынок, ты видишь, сено у нас кончается, скоро нечего будет дать ни коровам, ни овцам, ни лошадям. Давай-ка бери лошадь, запрягай, поезжай в лес. Там стог стоит. Погрузи сено и домой привези. А я пока баньку истоплю, мать пельменей сварит.
Ну, раз отец говорит, сыну слушаться надо. Оделся парень потеплей, запряг коня и поехал. Приехал он в лес, навалил сена, бастриг затянул и поехал.
Ну, Сибирь есть Сибирь. Зима, холод — замерз этот парень. Но отец приучил его хозяйствовать. Как приехал домой, он сразу в дом греться не побежал, а сначала коня распряг, скотине сена дал, а только потом в дом пошел.

— Ну, сынок, — говорит отец, — хорошо, что ты приехал. А мы с матерью уже ждем тебя. Мать пельменей наготовила. Давай, сынок, пойдти помойся. Пока ты париться будешь, как раз пельмени сварятся. Я скажу матери, чтобы она их в воду бросала.

Пошел сын в баню. Поддал он пару, попарился, а потом мыться начал. Голову намылил, шарит по полке — нет тазика. Вдруг слышит голос:

— Ну вот что, Володя, или ты сейчас пойдешь домой и принесешь мне одежду матери, или ты вообще отсюда никуда не выйдешь.
Ну, понял парень, что выхода нет. Кто может еще в бане ночью говорить? Он понял, что не шутка это. Ну, что ему делать? Клянется он, божится.

— Клянусь, что я схожу принесу одежду матери, клянусь, что вернусь, не обману!
Ну, подают ему таз. Володя таз на себя опрокинул и бегом из бани, голым в дом заскакивает. Отец спрашивает:

— Что такое, что случилось?
Ну а ему ж надо что-то говорить, что-то придумать.

— Что-что! Баню-то рамой закрыли — вот я и угорел, вот и выскочил.
— Ну ладно, сынок. Давай одевайся!

Ну, он накинул что-то на себя, под умывальником мыло смыл.

— Садись покушай.
Сели они, поели, попили. Отец ест, а тому еда на ум не идет. Одно на уме у паренька, что ему опять в баню идти. Раз сказал, раз поклялся, значит, надо делать. Отец выпил немножко, охмелел. Володя видит, что такое дело, и потихонечку собрал какие-то вещи матери — юбки, кофты — и пошел. Заходит он в предбанник, видит: рука высовывается.

— Давай, — говорит голос, — а сам здесь стой.

Подает парень вещи, а сам в предбаннике стоит. Он онемел уже, ни слова сказать не может. Вот видит: выходит оттуда девушка с длинной косой, цыганка.

— Ну что, Володя, — говорит она, — хочешь живым остаться? Тогда идем домой. Скажешь родителям, что я — невеста твоя, что хочешь ты на мне жениться. А не хочешь — здесь останешься.

Опять парню деваться некуда.

— Клянусь, — говорит, — что все так будет, как ты велишь. Заходят они в дом и падают на колени перед родителями. Это закон такой цыганский. Он говорит: — Отец, мать, вот ваша сноха, моя жена.

А ему уже двадцать два года. Сколько можно быть неженатым? Что родителям подумать? Ночью в бане был и привел кого-то. А что скажешь? Он-то взрослый парень. Приходится соглашаться. Ну, снимают икону, начинают благословлять. У парня немного от сердца отлегло: будь она нечистой силой, то от иконы бы убежала. Благословили родители их:

— Живите в согласии!
Вот проходит день, проходит второй, третий. Надо ведь в церковь идти венчаться. Она ему говорит:

— Ну что, Володя? Мы пойдем с тобой в церковь, только вначале ты пойдешь за мной. Завтра пораньше соберайся и пойдем, куда я тебя поведу.

Наутро встают они. А надо сказать, что Володе понравилась эта цыганка, и он уже сам время торопит, чтобы скорее венчаться и скорее их жизнь семейная началась. Пошли они сначала по магазинам. Она говорит:

— Ты вот это купи, это купи, это купи...

Он покупает. Накупили они разных покупок. Девушка тогда его спрашивает:

— Володя, а где тут у вас живут такие-то бедные цыгане?
— Есть у нас в городе такие.
— Так пойдем к ним.

Ну, Володя дорогу знает. Заходят они к тем цыганам.

— А, Володенька, заходи! А это кто, невеста твоя?

— Да.

А в это время ребенок в люльке закричал. Хозяйка берет со сковороды горячий блин и девочке бросает. Та его в рот — и молчит. Как только прожует блин — опять крик раздается.

— А где муж твой? — спрашивает Володина невеста.

— Да менять поехал. А я здесь одна вожусь, уже сил нет.

— Ну так давай, я сама с ребенком посижу, а ты блины пеки, делай, что тебе нужно.

Взяла она девочку на руки, качает ее. Только женщина отвернулась,

она ее — раз! — и в печку Та кричит:

— Ай-яй-яй!

Ей ведь жалко ребенка. Подбегают они к печке. Девушка говорит:

— Смотри, что за дочь у тебя! Это же полено! Ты уже больше двадцати лет полено в люльке качаешь.

Та посмотрела: и вправду, в печке полено горит.

— А я, — говорит девушка, — и есть твоя дочь. Ты же сама меня черту отдала. А теперь я выросла, вот жених мой, мы подарки вам принесли. Доставай, Володя.

Ну, достал Володя подарки. Пригласили они их на свадьбу. Обвенчались они и стали жить.

Миниатюры истории

Тюмень, 1898 г.

**И.И. Пущин 11 октября
1847 г.
Д.И. Завалишину**

... Спешу сообщить тебе сведения, которые ты желаешь иметь насчет здешнего края, хотя, по-моему, в Тобольской губернии одна существенная выгода для жизни нашей — это дешевизна. Промышленность же для нас, к нашему положению, не существует. Чтобы заняться чем-нибудь по этой части, нужно двигаться, а двигаться мы можем только на тридцати верстах. (Предел, на который декабристы могли удалиться от мест водворения. — А.В.). Следовательно желающему чем-нибудь промышленять остается только современный закуп хлеба и чего-нибудь подобного. Для такого занятия самое удобное место Ишим и Курган. В этих двух городах самые богатые рынки. Я не говорю о Тюмени, потому что в этом городе до сих пор никто из наших не был помещен, хотя в нем промышленность всякого рода в сильном развитии. Жизненные припасы дешевле в Кургане, даже против Ялуторовска цены значительно ниже. Мясо там было на последней ярмарке рубль пуд, а у нас не упало ниже двух рублей, и то самое посредственное. Впрочем, в отношении содержания вся губерния дешева...

Известное и новое о реформе русской орфографии

Орфографическая реформа 1917-1918 гг. — выдающееся событие в истории русской культуры и просвещения. Однако представления о ней не только весьма однообразны, но достаточно ограничены. Выпускники школы, студенты-первокурсники филологического факультета, например, считают реформу исключительной заслугой советского правительства, что в проведении ее участвовал сам Ленин и что в результате были отменены «ять» и «ер» на конце слова. Представления преподавателей-словесников едва ли сколько-нибудь ушли от представлений воспитанников. И это неудивительно, потому что такова официальная история, изложенная во многих работах по орфографии, из которых мы узнавали, что только при советской власти русская орфография освободилась «от тяжелых пут старого письма», и «народ получил наконец упрощенное правописание». Большевики этого события во многом способствовали второй декрет о реформе от 10 октября 1918 года, где новые правила правописания представлены как *разработанные* (выделено авт.) Народным комиссариатом просвещения. Реформа русской орфографии оказалась в одном ряду со всеми большевистскими преобразованиями только потому, что реформа и октябрьские события 1917 года совпали во времени, но она началась за несколько месяцев до установления советской власти и встретила революционные события, пройдя короткий, но решительный путь воплощения.

11 мая 1917 года приняты «Постановления особого совещания при АН под председательством академика А.А. Шахматова о проведении реформы». В них предложены 13 пунктов упрощения и каждый из них научно мотивирован. В основу их положены постановления орфографической комиссии 1904 г. и постановления орфографической подкомиссии 1912 г., которые возглавлял академик Ф.Ф. Фортунатов.

17 мая — во все губернии России разослан I циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве о введении нового правописания в

школах России «безотлагательно с начала будущего учебного года».

22 июня — разослан II циркуляр о новом правописании с конкретными рекомендациями по его постепенному воплощению, начиная «с младшего отделения начальной школы», рекомендовалось поощрять переход всего класса к новому правописанию, но «не принуждать к тому же отдельных учащихся против их желания».

С сентября 1917 г. русская школа перешла к обучению по новой орфографии. Профессор П.Н. Сакулин выступил с проектом «Лиги правописания», которую предполагалось создать в сентябре-октябре 1917 г. Она ставила перед собой задачу популяризировать реформу в широких слоях общества через издание брошюр, книг, таблиц, чтение лекций. Журнал «Родной язык в школе» в период за сентябрь-декабрь опубликовал множество заметок, представляющих первые опыты преподавания по новой орфографии. Публиковались списки новой учебной литературы, стенные таблицы и все, что было необходимо в обучении новому письму.

Октябрьские события не приостановили начавшийся процесс, но советское правительство отвергло все эволюционные намерения и сделало реформу фактом революции. Оно, по воспоминаниям А.В. Луначарского, «прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было по самой половинчатости своей что-то, так сказать, «февральское», а не «октябрьское». В то время высказывались предложения провести более радикальную, вплоть до латинизации алфавита, реформу.

Орфографическая реформа не осталась за пределами внимания В.И. Ленина. Он высказал свое решительное мнение, о котором сообщает первый нарком просвещения в этой же статье: «Если мы сейчас не введем необходимой реформы, это будет очень плохо, ибо в этом, как и во введении григорианского

календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины. Если мы наспех введем латинский, который ведь непременно нужно будет приспособить к нашему, то мы можем наделать ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т.д. Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения метрической системы и григорианского календаря. Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее...

Такова была инструкция, которая дана была нам вождем. После этого мы немедленно законодательным путем ввели новый алфавит». Был издан декрет Наркомпроса о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г., положивший начало советскому этапу в проведении реформы. Опубликованный в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» от 23.12.17 № 40 он по содержанию представлял собою синтез «Постановлений» АН и двух циркуляров Министерства народного просвещения при Временном правительстве, но в отличие от своих предшественников предписывал «в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию». Его репутация «декрета-плагиата» не обеспечила ему широкого признания и, как свидетельствует А.В. Луначарский, «на него и ухом никто не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту...». О дальнейших событиях первый нарком просвещения рассказывает так: «Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить подчиниться колеблющихся решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался покойный Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство, отвечающих за типографии людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им: «Появление каких бы то ни было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контрреволюции и отсюда будут делаться соответствующие выводы».

Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому к нему и многих других изумлению с этого дня в Петербурге, по крайней мере, не выходило больше ничего по старой орфографии». Так был подготовлен декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. Он определил русло возможных рассуждений о реформе на длительное время и стал истинным дезинформационным. Упоминание о дооктябрьских циркулярах в литературе советского периода встречается дважды. Первое — все в той же статье А.В. Луначарского (1930 г.), где сообщается, что «кадетский министр Мануйлов, опираясь на работу комиссии академика Шахматова, уже подготовил введение нового алфавита,.. который на самом деле введен Советским Правительством». Второе — в статье В.И. Чернышева «Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов как реформаторы русского правописания», где автор, непосредственный свидетель и участник орфографических перемен, вспоминает так: «Кадетское правительство, чувствуя свою слабость, остановилось на полдороги, не решаясь проводить реформу дальше. Это сделало советское правительство». Статья В.И. Чернышева написана в 1947 году. А о чем свидетельствуют тексты самой эпохи? А.Д. Алферов, замечательный филолог и один из сторонников реформы, в статье «Быть или не быть новому правописанию?» («Новая школа», январь, 1918) пишет: «Моя работа была прервана... событиями первых чисел ноября, и меньше всего мне бы хотелось, чтобы реформа была проведена властью большевиков со всеми их вызывающими чувство негодования приемами. Не хотелось бы этого потому, что это значило бы, что реформа провалилась, как и все другие их деяния, которые отмечены будут в нашей истории печатью народной ненависти. Несомненно, что теперь необходимо всем сторонникам реформы заботиться об отложении широких мер по ее проведению до лучших времен, когда истинная государственность, а не партийный произвол займет свое место в нашей ныне горькой русской действительности».

Но реформа не провалилась вопреки предположениям автора, однако и была проведена не в соответствии с ее подлинными замыслами. Сохранились воспоминания о том, что посланные в типографии матросы изымали из наборных касс твердый знак, ять и другие «лишние» буквы. Короче, то, чего не удалось за недостатком времени совершить задуманным путем, было сделано, выражаясь словами одного из свидетелей эпохи, «одним взмахом пера стало свершившимся фактом, благодаря декрету властей, с большой легкостью меняющих стихии, переводящих повсеместно стрелки часов взад и вперед и оставивших пока в неприкосновенности времена года». Случилось так, что насухо назревшая и научно-обоснованная по содержанию реформа по форме своей стала репрессивной. Но история Сибири, где и после Октября продолжали существовать старые структуры правления и жизнь проходила бездекретным путем, дает чрезвычайно любопытный материал. Реформа здесь представляется как событие, не испытавшее давления советских декретов, но, напротив, проходивших под натиском сторонников старого письма. В течение почти трех лет, 1917-1919, школы продолжали ориентироваться на дооктябрьские циркуляры и, например, в Енисейской губернии на решение Первого Общегубернского Съезда Учеников Енисейской губернии: «Приветствовать реформу правописания и немедленно ввести ее в учебных заведениях, в том числе и во всех отделениях начальной школы». Несмотря на сложность момента, после ряда значительных мероприятий, проведенных в августе (педагогические курсы в связи с введением нового правописания, издание пособий и таблиц малого и большого формата), в школах Енисейской губернии с сентября 1917-го было начато обучение новой орфографии. Год работы в школах прошел, и II Делегатский съезд Енисейского губернского Учительского Союза (15-20 августа) констатировал «блестящие результаты по введению новой орфографии, несмотря на отсутствие книг и другие неблагоприятные условия» и принял решение продолжить обучение вопреки всем трудностям.

Казачьи символы и знаки

Шапка — знак обладания казаком юридического полноправия. Первоначально клобук со шлыком, потом папаха и фуражка. Они у казаков овеяны таким количеством легенд, преданий, исторических свидетельств и примет, так слились с судьбою казака, что даже три четверти века геноцида расказаживания, ссылок, истребившие весь казачий уклад, приведшие к запустению земли, к забвению обычаев, не смогли уничтожить казачью папаху и фуражку. Фуражка была, есть и будет предметом почитания, поклонения и гордости казака. Как и все другие части национальной одежды, казачья шапка — предмет особого сакрального, мистического смысла. И пусть этот смысл для большинства казаков был потерян давным-давно — ритуал соблюдался и соблюдается до наших дней! Во многих книгах, статьях встречается сцена: со станции казаки в пешем или конном строю или поодиночке, возвращаясь в родные места, идут не домой, не в церковь, а прежде всего к Дону! Здесь, на берегу, казаки срывали с голов фуражки и бросали их в волны реки. Затем умывшись, а то и искупавшись, напившись родной водицы, насухо утирались свежим полотенцем и доставали из тороков или заплечного «сидора» новенькую фуражечку и только тогда шли домой. Давным-давно не пылят по степным шляхам конные сотни, не колют длинными пиками небеса; давным-давно казачья фуражка и папаха стали редкостью и заказным, городским дефицитом, а то и украшением модного туалета заезжей манекенщицы, а шапки летели, летят и будут лететь в Дон. И качает он на волнах: пилотки солдат Великой Отчественной, ушанки и кубанки, а теперь афганки и голубые береты, бескозырки и тацковые шлемы — потому как обычай приносить шапку в жертву и благодарность батюшке Тихому Дону много старше и фуражки, и папахи, и кивера...

Журнал «Енисейский учитель» сообщает о дальнейших событиях. Так, в марте 1919 г., когда в Советской России реформа была уже проведена законодательным путем, в родительском комитете одной из красноярских гимназий было предпринято ходатайство о возвращении к дореформенному письму. Но ходатайство это было отвергнуто, так как, по мнению министерства, вопрос этот решен бесповоротно и «какая-нибудь ломка и смешение старого правописания с новым совершенно недопустимы».

Слухи о стремлении отдельных кругов вернуть школу к старой орфографии появились в газетах, и четвертый выпуск журнала (апрель-май 1919) публикует материалы в защиту реформы. В разделе «К походу против новой орфографии» обращение Бюро Учительского Союза Енисейской губернии, в котором сообщалось: «...двухгодичный опыт практикования в учебных заведениях новой орфографии дал блестящие результаты», «учащиеся всех классов быстро освоились с новым правописанием», «успеваемость в занятиях родным языком стала значительно выше», «количество переэкзаменовок сильно сократилось» и «освободилась масса учебного времени для более серьезного и обстоятельного изучения родного языка и родной литературы». Бюро обращалось к образованному обществу и в особенности к деятелям печатного слова с убедительной просьбой расстаться со старой орфографией и перейти на новое, более легкое и рациональное письмо: «переходом на новое правописание общество и печать окажут незаменимую услугу и школе, и детям, а вместе с тем и русской культуре и русскому просвещению, столь у нас скудному, но столь для нас необходимому».

7 мая 1919 г. состоялось заседание Губернского Комитета по народному образованию при Енисейской Земской Управе с единственным вопросом в повестке дня — защита новой орфографии в связи с намечающимся возвратом к старой. Интерес Земской Управы к проблемам орфографии решительно выводил реформу за пределы школы. На этом заседании было сделано важное заключение — несмотря на многие трудности, связанные с разрухой школы, и на

противодействия правительственных учреждений «вплоть до угрозы увольнения служащим, пытавшимся писать по новой орфографии», опыт введения новой орфографии в школах «нужно признать удачным». В еженедельном журнале «Путь деревни» Ачинского Уездного Земства редакторская статья от 29 июня «В защиту новой орфографии» информирует читателей, что многочисленные заявления от отдельных земств с требованием выступить в защиту орфографической реформы, принять все зависящие меры для более полного ее осуществления вынуждают Главный Комитет вывести реформу за пределы Министерства народного просвещения и взять инициативу в свои руки.

Отмечая неудовлетворительное состояние дел «по введению повсеместно» нового письма, Главный Комитет заявлял: «В то время как в школе обучение проводится по новому правописанию, в жизни все еще господствует старое, вследствие чего подрастающим поколениям по окончании школы приходится иметь дело с незнакомым для них правописанием».

В заключение всего была выражена уверенность, что если на защиту нового правописания «дружно встанут земства, города, учительские союзы, научные и правительственные общества и кооперативные единения, проведенная реформа не будет отменена, как бы энергично ни велась против нее кампания». Орфография периодических изданий свидетельствует о том, что, миновав время угроз возврата к старому правописанию, новое правописание входило в жизнь и к концу 1919 г., до окончательного установления советской власти в Сибири, орфографическая реформа приближалась к своему завершению, а новое правописание становилось господствующим. Установилась в Сибири власть Советов, и тут же были выброшены из касс «символы старого мира» — исключенные реформой буквы и на старую орфографию наложен запрет. В результате этого такие обязательные условия проведения реформы, как знакомство со старой орфографией и всестороннее разъяснение ее научных оснований, остались невоплощенными.

Итак, фальсификация факта (разработанные Народным комиссариатом просвещения), репрессивность мер и невоплощенность подлинных замыслов — все это стало причиной теоретической неосведомленности и дезинформированности о реформе не только рядовых, но и известных представителей отечественной культуры. Отсюда «репрессированные «твердые знаки» и «яти» А. Вознесенского («Огонек», 1991, № 12); отсюда «провели эту реформу только большевики, поэтому эта «новая орфография» по справедливостей всей и должна называться «большевистской» или «советской», и «реформа нечего общего не имела с данными серьезной филологической науки, а лишь шла навстречу лености и невежеству» Архиепископа Аверкия («Православная жизнь», 1987, № 2 или «Память», 1991, № 1); отсюда «перестроечное иконоборство

проявилось и в орфографии, и идея орфографического либерализма воплотилась после Октября» И. Сандромирской («Искусство кино», 1991, № 6) и другие подобные высказывания, упрочивающие стереотип реформы как деяния большевиков, которое соответствовало их идее абсолютного обновления через разрушения и отвержение старого. Говорить о реформе, что она согласовывалась лишь «с модными стремлениями разрушить «старый мир», — это, значит, заявлять о своей некомпетентности, но, к сожалению, такое мнение до сих пор является доминирующим. И если настало время восполнять пробелы истории, их, вероятно, следует восполнять и в истории орфографии.

Т. Григорьева,
доцент Красноярского
государственного университета.

Миниатюры истории

Из сибирской старины

В 1857 году устроен был по распоряжению губернатора В.А. Арцимовича на мысе Чукмане, у памятника Ермаку настоящий сад с оранжереей и цветником; из сада этого, или правильнее сказать, из оранжереи его, тобольские жители пользовались даже свежими ананасами; но с отъездом из Тобольска губернатора А.И. Деспот-Зеновича (правил с 1863 по 1867 г. — А.В.) как сад, так и оранжерея были заброшены.

Голодников К.

Город Тобольск и его окрестности, с. 17.

В мае, июне и часто в июле, когда погасала вечерняя заря, после отбития барабана «на мысу западно-северном, с которого дом губернаторский и губернаторская канцелярия глядели на подгорный город, становилась капель музыкальная, и, когда все затихало после отбоя барабанного, разносилось над городом усладительное пение из кларнетов и скрипок, оживляемое тенором или альтом пение божественного стиха «О Всесвятая Мати, рождавшая всех святых святейшее слово, нынешнее приемни приношение, от всякой напасти избави всех, и будущия изми муки тебе вопиющих. Аллилуия».

Голодников П.

Город Тобольск и его окрестности, с. 294.

Довольство житейское

...в порядочной городской семье тогда пили, раза по три в день, чай с медом или леденцом... На завтраке чарка вина или настойки, для гостя и хозяина, икра и рыба вяленая; на обеде опять чарка, пирог рыбный, щи, уха или пельмени, холодное, каша, молоко с шаньгами или ягодами. На ужине подавались остатки обеда...

Если гости много ели, то еще более пили. Гостинные или праздничные питья: пиво, брага, мед, разные ягодные наливки, а виноградные вина употреблялись только в начальнических домах.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., с. 289-290.

*Выписки собрал и представил
искусствовед Александр Валов.*

Казачьи символы и знаки

По всей Руси смертельным оскорблением для замужней женщины было «опростоволосить» ее — сорвать головной платок. (Помните, у Лермонтова, именно за это преступление купец Калашников убил опричника Кирибеевича). При наказании плетью, палач прежде всего срывал с преступницы платок. Большим позором было для замужней женщины показаться не только перед гостями, но даже перед собственным мужем без повойника... Для мужчины, для казака таким смертельным оскорблением была сбита или сорванная с головы шапка. Шапки снимали в церкви все без исключения, даже караульные.

Шапка играла очень большую роль и в гражданской жизни казака, и в семейной. У нее было особое место в убранстве казачьего куреня. По числу фуражек в прихожей можно было судить о том, сколько казаков живут в этом доме, сколько объединено в семью. Фуражки или папахи без кокард принадлежали казакам нестроевых возрастов. Хотя этот обычай почти никогда не соблюдался. Может потому, что казачата хотели казаться старше, а старики моложе? Кокарды носили все. Проверить догадку о числе мужчин в доме можно было войдя в горницу, где на ковре висели шапки — символ казачьего совершеннолетия, полноправия и наличия земельного надела. Фуражку убитого или умершего казака везли домой. Казак, привезший известие о гибели сына, мужа, отца, обнажив голову, слезал с коня у ворот осиротевшего дома, доставал из переметной сумы фуражку и молча проходил в горницу, где клал головной убор на полку перед иконой. Это означало, что защитника в доме больше нет, что защита этой семьи перепоручается Богу и христианам. В поминальные дни и в Родительскую субботу перед фуражкой ставили стопку вина и прикрывали куском хлеба.

Казачьи символы и знаки

Утром хлеб скрашивали воробьям, а вино выплескивалось в огонь очага или выливалось в реку с поминальной молитвой. Если хозяина не было дома, то старик или атаман, войдя в горницу и перекрестившись, усаживался без приглашения, говоря хозяйке: «Сбегай-ка, покличь свою!»

В доме вдовы, где под иконой лежала фуражка, ни старик, ни атаман не смели без разрешения переступить порог горницы; говорили тихо и обращались к вдове или по имени и отчеству, либо ласково: Катенька, Егоровна-голубушка...

Если женщина вторично выходила замуж, то ее новый супруг после венчания фуражку прежнего хозяина убирал. Тайком, в одиночку, нес фуражку к реке и опускал ее в воду со словами: Прости, товарищ, но не гневайся, Не грехом смертным, но честью взял я Твою жену за себя, а детей твоих под свою защиту...

Да будет земля тебе пухом, а душе райский покой...

На старинную шапку частенько нашивали образок или за подкладку зашивали какую-нибудь священную реликвию, поэтому частенько в степи, на войне, в походе казак ставил шапку на какое-нибудь возвышение, на холмик или на воткнутую в землю шашку и молился на нее.

Атаман носил особую высокую шапку, которая ему не принадлежала. Как кафтан особого покроя из дорого материала, шапка была знаком его атаманства и принадлежала казачьему обществу. Два обычая, говорящие о высокой роли шапки в гражданской жизни казачества, сохранились до сих пор.

При выборах атамана каждый кандидат или каждый выступающий, выходя в круг, снимает шапку. Если кандидатов несколько, то все они при выдвижении сидят без шапок. Вообще обычай

Топонимика морей Арктики

НАХОДКА — 1) Бухта на западном берегу Обской губы, неожиданно найденное удобное место для устройства порта. Назвал А.И. Вилькицкий в 1896 г. Использовалась для грузоопераций Карской товарообменной экспедиции в 1920 г. С 1921 года эти операции были перенесены в более удобную бухту Новый Порт.

2) Полуостров в Тазовской губе. До 1930-х годов считался островом. Назван в 1863 г. начальником экспедиции на шхуне «Таз» Ю.Н. Кушелевским, обнаружившим здесь «остяков, не обложенных данью» (Кушелевский, 1864, стр. 39).

НЕУПОКОЕВА — остров в Гыданском заливе. Его островное положение установил в 1921 г. известный полярный гидрограф Константин Константинович Неупокоев (1884-1924), участник экспедиции на транспорте «Таймыр» и «Вайгач». В 1918-1923 гг. руководил всеми гидрографическими работами в Обь-Енисейском районе. Остров был назван в его память Гидрографическим управлением ВМФ в 1930 г.

НОВЫЙ ПОРТ — бухта и поселок на западном берегу Обской губы. Название бухте дано Обь-Енисейским гидрографическим отрядом, обнаружившим здесь в 1920 г. более удобное, чем бухта Находка, место для устройства порта.

ОБСКАЯ — губа Карского моря при устье р.Оби. Название закрепилось на картах после Великой Северной экспедиции в середине XVIII века. Слово «об» или «аб» тюркского происхождения, обозначающее «вода», «река» (Никонов, 1966, стр. 302).

ОСТРОВСКОЙ — мыс в б. Новый Порт. Назвала в 1895 г. экспедиция А.И. Вилькицкого по ближайшей реке Островской. Река была названа в 1828 г. штурманом И.Н. Ивановым по имеющимся в ее устье островам.

ПАРУСНЫЙ — мыс на юго-восточном берегу Обской губы. Назвала в 1863 г. экспедиция на

шхуне «Таз» (Кушелевский, 1864, стр. 36).

ПЛОТНИКОВ — отмель в Тазовской губе. В 1932 г. гидрографы Убеко-Сибири назвали так навигационный знак в честь построивших его плотников — рабочих лоцмейстерской партии. Позже по знаку назвали обнаруженную вблизи него отмель (сообщил В.И. Воробьев).

ПОВОРОТНЫЙ — мыс в Тазовской губе. Назвала в 1863 г. экспедиция на шхуне «Таз», круто повернувшая у мыса к югу (Кушелевский, 1864, стр. 36).

ПРЕОБРАЖЕНИЯ — залив на севере Обской губы. Название отнес к заливу штурман И.Н. Иванов в 1828 г., считая, что так его называл в XVII веке первый исследователь Обской губы Д.Л. Овцын. Но из прокладки пути Овцына на современной карте следует, что 6 августа 1736 г. в «день Преображения» он достиг и назвал бухтой Преображения нынешнюю бухту Тамбей.

ПРОКЛЯТЫЕ - острова в Гыданском заливе. Названы в 1932 г. гидрографами Убеко-Сибири за трудный (из-за мелководья) подход к островам на шлюпке (сообщил В.И. Воробьев).

ПРОХОРОВА — банка в Обской губе. Названа в 1924 г. гидрографами Убеко-Сибири по фамилии командира г/с «Орлик» Якова Гавриловича Прохорова (ок. 1880-1947), который в 1923 г. ее обнаружил (Тимофеевский, 1925, стр. 9)..

РЫБИН-ЯХА — река м. Каменный. В 1923 г. названа «рекой Рыбина» по фамилии топографа Георгия Николаевича Рыбина (род. в 1901 г.), обнаружившего ее при топосъемке (сообщил В.И. Воробьев). С 1950-х годов подписывается на карте в современной транскрипции. По-ненецки яха — «река».

САПОЖНИКОВА — мыс в Обской губе. Назвал в 1919 г. начальник Обской экспедиции Д.Ф. Котельников по фамилии

профессора Томского университета, ботаника Василия Васильевича Сапожникова (1861-1924 г.), который высаживался на мыс для сбора растений (Сапожников, 1923, стр. 173).

СЕТНОЙ — мыс южнее м. Каменный. Назван в 1828 г. штурманом И.Н. Ивановым (Соколов, 1847, стр. 75), вероятно потому, что ставили здесь рыболовные сети. Сетной — «сетевой».

СЕЯХА — река севернее м. Каменный в Обской губе. По-ненецки «зеленая река», называлась так за пышную травяную растительность на ее берегах. Русским известна под названием «Зеленая» с конца XVII века. По ней проходил «Ямальский волок» — путь из Карского моря в Мангазею.

СЛИНКИНА — мыс южнее б. Находка. Назван гидрографами Убеко-Сибири в 1920-х годах по стоявшей на нем избе обского рыболовника И. Слинкина (Тимофеевский, 1925, стр. 82).

ТАЗОВСКАЯ — губа, ответвляющаяся от Обской губы к востоку. Называется по впадающей в нее реке Таз с середины XVIII века. По-ненецки таз (таси, тасу) — «нижний».

ТАМБЕЙ — бухта и река в северной части западного побережья Обской губы. В 1920-х годах гидрографы Убеко-Сибири отнесли название реки Тамбей (по-ненецки — «озерная») к бухте, в которую она впадает. В 1736 г. Д.Л. Овцын именовал бухту «Преображения», но из-за ошибки в широте позже название отнесли к более северной бухте.

ТАРАН — мыс на восточном берегу Обской губы. Назвал в 1895 г. гидрограф А. Вилькицкий за сходство с тараном — нижней частью форштевня военного корабля (Тимофеевский, 1925, стр. 63).

ТРЕХБУГОРНЫЙ — мыс на входе в Тазовскую губу. В 1736 г. лейтенант Д.Л. Овцын назвал мысом Трех Высоких Бугров по возвышающимся на нем буграм. Сокращенное название впервые появилось на карте штурмана И.Н. Иванова в 1828 г.

ТУРМАЯХА — река севернее м. Каменный. Искаженное русско-ненецкое слово штурманьяха, означающее «река штурмана», как в 1828 г. ненцы называли реку, где был лагерь штурмана И.Н. Иванова.

ХАМАНЕЛЬСКАЯ ОБЬ — протока в устье Оби. По-ненецки хаманель — «место мертвых». По преданию, примерно в XV веке сюда проник с юга Сибири татарский отряд для покорения здешних зырянских племен. Перед битвой завоеватели заночевали у крутого обрыва, где их увидела женщина-зырянка. Ночью она стала бросать с обрыва железные предметы, производя шум, похожий на лязг оружия.

Побесившие на этот звук татары в темноте падали с обрыва и тонули в реке (Тимофеевский, 1925, стр. 79).

ЧУМГОРА — сопка на восточном берегу Обской губы. Назвал в 1925 г. топограф П.Я. Напалков по конусообразной форме сопки, похожей на ненецкий чум (сообщил В.И. Воробьев).

ШОКАЛЬСКОГО — остров на севере Обской губы. Выявлен, но неточно указан в 1874 г. английским капитаном Д. Виггинсом, назвавшим его «черным островом» — по темной поверхности. В 1922 г. остров описала экспедиция на шхуне «Агнесса», назвавшая его «островом Агнесса» (Старокадомский, 1957, стр. 84). По представлению Комсеверопути Президиум ВЦИК в 1926 г. назвал остров в честь выдающегося океанографа Юлия Михайловича Шокальского (1856-1940) (Лавров, 1928, стр. 324).

ЮРАЦКАЯ — губа в Гыданском заливе. Названа в 1911 г. управляющим департаментом государственных имуществ Енисейской губернии И.К. Окуличем по жившим здесь юракам (ненцам). Вначале писалась «Юракская» (Окулич, 1912, стр. 14).

ЯВАЙ — полуостров, разделяющий Обскую губу и Гыданский залив. Название помещается на картах с середины 1920-х годов по имени кочующего здесь ненецкого племени. На некоторых картах необоснованно пишется «Явай-Ямал».

ЯМАЛ - полуостров между Обской губой и Карским морем. По-ненецки — «край земли». Выявлено в 1828 г. штурманом И.Н. Ивановым.

ЯМБУРГ — мыс и селение в Тазовской губе. Название мысу дала экспедиция на шхуне «Таз» в 1863 г. по городу Ямбург (ныне Кингисепп), в котором ранее проживал руководитель этой экспедиции И. Кушелевский.

Публикация
Анатолия Омельчука.

Казачьи символы и знаки

обнажать голову означает покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение воли другого (того, кто в шапке). Все остальные казаки круга сидели в головных уборах. Но как только атаман был выбран — роли менялись. Атаман торжественно надевал атаманскую шапку, а все казаки без исключения снимали головные уборы, с этой минуты признавая волю атамана над собою и своими головами.

Адрес редакции:
625000, г. Тюмень,
ул. Ленина, 65.

Телефоны:
26-36-05, 26-35-47

Цена 30 руб.

Отпечатано в типографии
АО "Слово Тюмени"

Редактор
- Анатолий Васильев

Верстка выполнена
компьютерной группой
"Согласия"